

18+

Александр Стребков

На закате

Александр Стребков

На закате

«Издательские решения»

Стребков А.

На закате / А. Стребков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533109-0

Заголовок, с которого хотелось бы нам начать свой рассказ-исповедь вам, читатель, на первый взгляд, ни о чём не говорит. Однако в употреблении часто людьми повторяемый, и между прочим, является довольно старым изречением, как и само человечество с его скандальным языком.

ISBN 978-5-00-533109-0

© Стребков А.
© Издательские решения

Содержание

Стребков Александр Александрович	6
НА ЗАКАТЕ. Роман	8
Конец ознакомительного фрагмента.	66

На закате

Александр Стребков

© Александр Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3109-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович

На закате

роман

2020 г.

ББК 84 (2Рос) 6

Стребков А. А. С 84

С 84 На закате. Роман. / А. А. Стребков.

ББК 84 (2Рос) 6

Стребков Александр Александрович родился в 1950 году на Кубани, в селе Глебовка, Куцёвского района. За свою жизнь сменил немало профессий, о которых подробно рассказано в романе-миниатюр «Калей-доскоп».

Ранее были изданы в микротиражах и за счёт автора: роман-хроника «Курай – трава степей», который рассказывает о периоде коллективизации и последующих тяжелейших годах, как для всего народа страны, но и в особенности, для сельских жителей. «Жить за-прещено» – произведение, рассказывающее о временах лихолетья Великой Отечественной войны, где главный герой проходит ад в стенах немецких концлагерей смерти, а вернувшись на Родину, на

его долю выпадает участь изгоя. «Жизнь – жестянка» – в 2-х книгах, роман написан с иронией, в лирическо-юмористическом социализме, начала 70-х годов. «Не потеряй себя» – роман сентиментальный, с

фрагментами юмора и к тому же автобиографический, охватывающий всего четыре года юности автора. Роман – «В сумерках нищеты» написан в сатирическом жанре и переносит читателя во времена Горбачёвской «перестройки», книга дополнена рассказами из цикла к роману «Жизнь – жестянка». А вот роман «На закате», с которым вам предстоит сейчас познакомиться, является первой частью и предтечей всех тех событий, о которых уже, в заключительной части, рассказано в романе «В сумерках нищеты». В книге под названием «Калейдоскоп», издание почти нулевое, читатель знакомится с мыслями, взглядами, воспоминаниями и миниатюрами из жизни самого автора и его близких, для которых он и предназначен.

НА ЗАКАТЕ. Роман

*...В стране волоокой, где крыша течёт, но время повернуто вспять,
где каждая сука открыла свой счёт и даже имеет печать,
где ныне у вас миллион на счету, а значит, не мне вас судить,
я вам предъявляю свою нищету:
извольте мне всё оплатить...*

(Эвелина Ракитская)

Бог не выдаст – свинья не съест.

Заголовок, с которого хотелось бы нам начать свой рассказ-исповедь вам, читатель, на первый взгляд, ни о чём не говорит. Однако в употреблении часто людьми повторяемый, и между прочим, является довольно старым изречением, как и само человечество с его скандальным языком и которое очень даже любит поедать тех самых свиней, при этом говоря о них с явным пренебрежением и брезгливостью. К тому же – это выражение олицетворяет одну из самых мрачных сторон пагубности человеческого существования на земле, и главенствует во всех его бедах: порождая зло, навлекая несчастья на жизненном поприще, на его бедную голову:

«...Сопишь в две дырки, и дальше сопи!..». Само собой разумеется, что в том бульоне людского общества-общепита, для отдельно взятой личности, в котором он варится, всякое возможно. И не стоит греха таить и

лукавить, потому что человек, прежде всего враг самому себе. И тот – Ад, который длится уже тысячелетиями на Земле – он сам себе и устроил! Получается, что Ад – в нём самом, – сам дьявол, внутри человека сидит!.. И когда мы, к примеру, начинаем смотреть на всю эту суету человеческую с высоты сегодняшнего дня, как исполнения законченного акта, притом непредвзято – как бы сторонними глазами – на первом плане у нас вырисовывается и на наших глазах предстаёт, конечно же чаще всего образ – Гоголевского «Ревизора» во главе Городничего, а уже за его спиной, выглядывает морда суслика, Хлестакова, с остальной, подобной ему, братией. На деле и в повседневности – в глазах обывателя – чаще всё выглядит пристойно. Люди то – от природы, к нашему прискорбию и к великому сожалению, в большинстве своём коварны и двуличны...

Это же надо так умудриться!.. За столь короткий срок, переплюнув по срокам и по разрухе даже Великую Отечественную войну 41-45-х годов: развалить, растащить, обмарать, оклеветать и разрушить всю экономику до основания, и такую великую державу, как СССР!.. Сердце кровью обливается, а черти, тем временем, на том свете – не поверив и схватившись за голову – всполошились, ибо об этом они мечтали последние лет триста с лишним, сидя в креслах лондонского Парламента и американского Сената. А тут, на тебе!.. без всяких напряг!.. кучка каких-то полумных чиновни-

ков-«коммунистов», высокого ранга: два раза дунули, три раза плюнули, и нет страны!..

(Выше сказанное – это устоявшиеся взгляды, впечатления и выводы,

прежде всего, Луки Мудищева, который в дальнейшем, эпизодически, станут появляться у нас на страницах, впрочем – это и мнение широких масс населения, с чем автор, возможно, не во всём и согласен будет. Скандальные эти высказывания, жалобы, возмущения и крик души, взяты из интервью у обычных граждан на улицах города Ростова-на-Дону, а также на землях российских – в рассаднике Иваново-вознесенских ткачих – в городе Суконом, Московской области.)

* * *

Иван Ильич Побрякушкин, являясь уже пятый год подряд директором но- сочно-чулочно-трикотажной – в народе «дунькиной» – фабрики «Красный вымпел», того самого рас- садника «ивановских» ткачих, – не будем клеветать

на человека и брать грех на душу, – от всяких пороков, в извращённой форме, был далёк, о чём мы выше сказали. Но и не застрахован вовсе был, вопреки тому, что всё-таки был хозяй- ственник...

В эту минуту, пока мы гусиным пером, макая его в пузырёк с чернилами и близоруко вглядываясь, при тусклом свете настольной керосиновой лампы, карябали вам вступление, за спиной автора стоял Лука Мудищев и тыкал

своим корявым пальцем в пергамент рукописи, при этом ещё и скептически насмехаясь, давал глупые советы. А, вчера, да будет вам известно, керосина мы так и не смогли достать и пришлось кропать при свечке. Так вот. Директор Побрякушкин, хмурый, как грозовая туча и злой, как последний побирушка

или голодный портовый грузчик, сидел за своим столом, запершись в своём личном каби- нете и никого не принимал, а секретарше Софочке приказал о нём на время забыть. Блужда- ющий его взгляд перескакивал с одного пред- мета на другой, которых в его кабинете имелась прорва, напоминая нам ан- тикварную лавку: призы и всякие кубки по спортивным достиже- ниям, гра- моты и вымпелы, значки и просто скульптурки, поделки, картинки и осталь- ная атрибутика, которой грош цена и не перечесать, а проще сказать, – и нахрен всё это никому не нужно. Иван Ильич подолгу смотрел в окно, за кото- рым хлестал дождь со снегом, а водя- нистые снежные комки плавно и будто бы сопли сплывали вниз по стёклам. И в эти занудные минуты у директора

стоит на душе смертная тоска, хоть иди, да вешайся, или под машину бро- сайся. Не умол- кающая и неутомонно, на всю улицу, надрывно, где-то гудела си- рена скорой помощи, напоминая смертным: чтобы не забывали о том, что

жизнь не такая уж и весёлая штука, и тем более не длинная. В эту минуту слу- шая её завывания, Побрякушкин, нечаянно подумал, что было бы лучше всего, если бы она – эта скорая помощь – сейчас бы взяла и увезла бы его: да куда- нибудь подальше, в какую-нибудь глухую деревенскую больницу, чтобы и с

собаками найти не смогли. В душе всё больше росла та самая тоска и мелан- холия приправленная депрессией, помноженная на уязвлённое честолюбие, навевая гадкие предчув- ствия предстоящих событий. Сейчас его судьба была похожа, словно на его кипельную постель, на белые простыни, кто-то умыш- ленно плеснул целое ведро дёгтя...

Всего-то две недели назад... И как же всё прекрасно складывалось!.. Име- лись все пред- посылки, что вскоре заберут его в главк, а на его место уже и кандидатура подыскана. В канун нового 1982 года успели отчитаться о пере- выполненном плане готовой продукции, которой под потолок забиты все

склады, – девать уже некуда! С улыбками на лицах и поздравлениями готови- лись полу- чать премии за честно отработанный год, а в Новогоднюю ночь... О, бог ты мой!.. о ней только с ностальгией в душе вспоминалось. Даже, Анаста- сия Алексеевна, экономист из планового отдела, по пятам которой целый год Иван Ильич ходил, потеряв уже всякую надежду, сдалась наконец-то. Да

прямо в ту новогоднюю ночь! Да прямо под бой курантов! За полчаса до них, сама взяла его за локоток и увела по срочному производственному вопросу в отдельный кабинет – «на пятиминутку», которая вылилась в целых полчаса, но свидетели – хождения налево – гово- рили, что в два раза больше. И по этой самой причине, весь дальнейший график интимных

общений полетел к чёртовой матери, ибо у Ивана Ильича, был запланирован сеанс близкого контакта с новенькой Ксенией-модельером, а сил уже никаких не оставалось. А ведь уговорено всё было с ней заранее, а теперь: хоть сквозь землю провалились и даже в глаза ей стыдно смотреть. Беда, говорят, одна не ходит: дома у Ивана Ильича положение не в лучшую сторону. Просочились слухи, что его

жена, Фаина Соломоновна, узнав о его похождениях, а может лишь прикрываясь этим, в отместку затеяла свою тайную закулисную игру на любовном фронте. Но люди говорят, да и сам Иван Ильич вывел такое решение, что его жена Файка от рождения такой ненасытной на свет появилась. Женщина она была красивая, хотя уже и бальзаковского возраста: стройная, и даже, можно сказать, не кривя душой, обворожительная и к глупышкам явно не относилась, но и лукавством на фундаменте чисто женского коварства обделена не была. Вертелась в кругах интеллигентного бульона изобразительного искус-

ства, являясь художником-искусствоведом. Но если бы, да только это!.. На трикотажной, чулочно-носочной фабрике, катастрофа! В голове не укладывается! Но, дебет с кредитом за весь прошлый год, за который уже отчитались высокими показателями и как выяснилось сразу после нового года – не сходится на все восемьдесят процентов – в сторону минуса! И по сути, получалось, что предприятие – вся фабрика – не только не рентабельна, а давно должна бы была объявить себя банкротом. После чего надев суму через

плечо, пойти по-миру, правда, если бы она находилась где-нибудь в капиталистической стране. В стране «развитого социализма» – такого слова, как

«банкрот», вообще в словарном лексиконе не существует: то слово предназначено для буржуинов. Но это ещё не значит, что погладят тебя по головке и не поставят раком головой в сторону входной двери. И виноваты во всём

этом, – будь они трижды прокляты!.. – женские колготки, на изготовление и производство которых весь прошедший год задействованы были те самые восемьдесят процентов производственных мощностей. Всё это, подобно страшной силе урагана, поселило в душе директора Побрякушкина отчаянье, и казалось, что скоро доконает бедолагу и доведёт его до упомрачения, а то и до кондрашки...

В горьких раздумьях, Иван Ильич по запарке не заметил, как и время пролетело, когда неожиданно – по селектору – голос секретарши Софьи, будто кулаком ему в морду, вывел его из раздумий.

– Иван Ильич, извините, что пришлось потревожить вас. Рабочее время закончилось, если вы позволите, могу я удалиться?..

– Да, да, Софья Давидовна, можете быть свободны, а я еще немного поработаю... – сказал хриплым, упавшим голосом Побрякушкин и выключил тумблер селектора, а настольную лампу включил.

Домой Иван Ильич прибыл поздно. Вполз в квартиру, как будто его избили минуту назад на улице злые и пьяные хулиганы: со стороны гостиной, из телевизора, слышалась мелодия передачи спокойной ночи малыши – «... Спят усталые игрушки, книжки спят... Одеяла и подушки ждут ребят...», а на пороге в прихожей, вместо жены, его встречала интеллектуально-разбитная тёща, Инесса Остаповна, которая с подхалимской улыбкой на лице, пряча змеиное жало в своей гадючей глотке, язвительно, спросила:

– Я извиняюсь, но поздновато вы как-то, Иван Ильич, уже половина десятого... – случилось на работе что, или что-то сугубо личное?..

– А, Фаина, где?.. – спросил зять, предпочитая не отвечать на каверзный вопрос тёщи.

– Она разве не звонила вам, что уезжает в Москву, в Третьяковку, на выставку картин авангардистов, которых в своё время Хрущёв разогнал по подвалам, а некоторых и за сто первый километр?..

– Впервые слышу об этом, – сказал равнодушно Иван Ильич. Снял с себя

пальто и небрежно кинул его вместе с шапкой и шарфом на стул, тем самым принуждая тещу поухаживать за ним и водрузить вещи на вешалку. Инесса Остаповна, словно наперёд оправдывая поступок дочери, стала пояснять:

– Она утром получила телеграмму – приглашение на выставку в Третьяков-скую галерею, как эксперта – вот второпях и отбыла. На сколько дней, она и сама не знает...

– Да что вы, Инесса Остаповна, передо мной отчитываетесь?!.. тут своих дел – не продохнуть!.. Как-нибудь самому бы выкарабкаться из того дерьма, в которое фабрика вляпалась...

– Что?.. если, извиняюсь, это не секрет, и насколько это для нас серьёзно?..

– спросила тёща.

– Хуже бывает, Инесса Остаповна – это, когда уже несут тебя на кладбище, а спустя время заколачивают крышку, после чего с гулом падают земляные комки на гроб, а ты в это время лежишь в нём и внимательно слушаешь, кто сколько бросил горстей земли, и что сказал при этом...

– Да будет вам меня пугать, Иван Ильич!.. Вы не темните, ибо мой покойный муж Соломон, в таких случаях говорил так, – что в первую очередь не стоит

подвергаться тем чарам и панике, которые наваливаются в день и час прихода беды. Вздыхать и грызть ногти, взъерошивать и рвать на своей голове волосы, да ещё при этом и кусать до крови губы – это не выход, из сложившегося положения. Кругом лстыцы, подлещы, жулики и подхалимы, а с ними на их языке и разговор надо вести...

Продолжая воспитательную речь и со стороны наблюдая за зятем, Инесса Остаповна принялась накрывать ужин на стол, а Иван Ильич, пройдя в гостиный зал и усевшись в кресло, откинув голову на спинку, уставил взгляд в потолок. На приглашение к столу, ответил отказом, после чего, тёща, стоя на пороге с бутылкой армянского пятизвёздочного коньяка в руках, и вероятно в душе опасаясь за дальнейшее благополучие всей семьи, постучала ногом по бутылке и в приказном порядке, выкрикнула:

– А ну марш за стол, страдалец!.. нюни он распустил!.. – щас я немного тебя буду лечить и на путь истинный наставлять, а то я смотрю, с таким настроением ты нас по-мирупустишь!.. А мне на старости лет придётся подцерковной милостыню выпрашивать или в старческой богадельне последние свои дни коротать...

После первой стопки выпитого коньяка у Ивана Ильича и аппетит появился, а где-то между третьей и четвёртой развязался и язык, и он неторопливо стал рассказывать, вводя в курс дела продвинутую в торгово-финансовых машинациях тещу, по поводу сложившейся на фабрике предгрозовой катастрофы.

Инесса Осиповна тем временем не теряя попусту драгоценное время, не умолкая, принялась наставлять зятя на путь истинный:

– Ты, Иван, этот консерватизм и партийный демократизм со всяким галюнованинизмом, откуда выглядывают гадючьи головки, выбрось к свиньям собачьим на помойку!.. Это я тебе советую от всего чистого сердца, имея за плечами большой жизненный опыт за четверть века работы в должности глав-

ного бухгалтера на оптовой базе горторга. Всех своих замов и помов, которых у тебя там чёртова дюжина – всех до единого, до последнего занюханного

счетовода: да в бараний рог их! да рылом их прямо в грязь!.. а то получается,

что они тебя носом в сотрир!.. Святого из себя не строй!.. Мне дочь говорила, что ты через-чур честный, как я погляжу, а вот на таких, как раз и воду возят, и выезжает всякая шушера в рай!..

Иван Ильич, пока говорила тёща, тем временем успел пропустить ещё парочку стопок коньяка. Налил в рюмку очередную порцию, сбившись уже по

счёту какая она, вдруг поднял над столом руку, будто бы собираясь произнести торжественный тост, а в другой руке держа вилку с наколотой на ней

большой сарделькой, которую тёща на сковороде поджарила до румяности; осоловевшим – до-о-обрым таким взглядом глядя на Инессу Остаповну – громко, как обычно говорил на трибуне, принялся выплёскивать из себя накопившуюся жёлчь:

– Уважаемая, Инесса Остаповна, я тронут от всего сердца и всей не безгрешной своей души вашей заботой обо мне, вашими переживаниями, правильными взглядами на сложившееся положение и вашими высказываниями. Ни-жайше признаюсь, что я сел в лужу, но богом клянусь!.. я у государства ни копейки не украл!.. Да-а!.. получал всякие там премиальные, прогрессивные и прочие надбавки и доплаты, но я их себе не начислял! и указаний таких на

этот счёт не давал!.. Не спорю, что много там было и незаконного, но я-то не сидел сложа руки, а горбачил и тянул воз за троих!..

– Ты вот что!.. – прервала его речь тёща, – то, о чём ты сейчас пробубнявил, то лучше всего навеки забыть! Ты смотри в завтрашний день: что и с чего начинать надо выправлять положение, пока дело до прокуратуры не дошло. Прежде, чем тебя законопатят в одиночную камеру – успеешь десяток своих по ним рассажать, вот тогда, гляди, и появится у тебя шанс остаться на воле...

– Я вас понял, Инесса Остаповна!.. В понедельник, я из этих, мазуриков, сделяю из них святых праведников-угодников!.. Это же уму непостижимо!..

склады забиты продукцией, гоним по два плана за каждую смену, оптово-торговые базы отказываются брать, а они мне втюхивают, что всё у нас в лучшем виде...

– Коварство всегда таится на самом доньшке, не забывай об этом, зятёк!.. На что, зять, с пьяной физиономией раболепства на лице, прогнусавил:

– Если бы вы знали, дорогая моя тещенька, как мне приятно вас видеть, а тем более слушать ваши умные речи...

А далее Иван Ильич, уже заплетающимся языком, стал грозить врагам своим фабричным:

– Я им засранцам покажу!.. Я обещаю вам, Инесса Остаповна, что сам выкарабкаюсь из этого дерьма... – а их – уродов этих – законопачу в бочку и сургучную печать прилеплю...

– Ну, дай-то бог!.. Прости меня, господи, чтоб мне век ещё жить и с такими делами больше не встречаться. Иди уже, наверное, да ложись ты спать, а то всё равно в голове ничего не задержится. Впереди два выходных: ещё успеем детально всё обсудить...

В тот день, когда наклюнулись и стали разворачиваться эти события была пятница, а впереди два законных выходных дня, что по советскому трудовому законодательству предусмотрено и применяется неукоснительно на деле. Суббота и воскресенье прошли для Ивана Ильича в относительно спокойном режиме. Порой, всего лишь искоркой в голове возникала мысль о

жене Фаине, которая в это время где-то пропадала в московской гостинице, и как подзревал Побрякушкин, одиночеством вряд ли там страдала. В мыслях рисовался образ бородастого, а то и заросшего волосами по самые глаза и уши, как Карл Маркс, Файкиного поклонника – художника-авангардиста. В эти минуты, как подумал обманутый муж, где-то в номере московской гости-

ницы, сдвинув до кучи две односпальные кровати, но, не исключено, что они пристроились посреди номера на коврик, ибо знал об этом не по наслышке, а из личного опыта, его жена погрязла в плотских утехах прелюбодеяния. И вот сейчас, в то время, когда он страдает от предстоящих больших неприятностей на его фабрике, они – эти два существа, в виде двухслойного сдобного

пирога, без начинки, проводят – даже стыдно об этом подумать – телодвижения, которые на глазах у людей обычно производят животные, а чаще всего собаки, когда люди предпочитают отворачиваться, а вот собакам почему-то

не стыдно. Странно... – подумал в эту минуту Побрякушкин, – а почему людям стыдно?..

В воскресенье, Иван Ильич, встряхнув головой, выпил пару рюмок коньяку с вновь распечатанной бутылки и постарался выбросить из головы эти пошлые и навязчивые мысли о жене, ибо завтра предстоял гораздо серьезней экзаме- на выносливость нервной системы, а значит, и всего его здоровья в целом. Происшествие, которое нежданно негаданно свалилось на заштатный

подмосковный городишко Суконный, основанный ещё Саввой Морозовым, было подобно невидимой человеческому глазу эпидемии гриппа и расплодилось по всем закоулкам города, забираясь в каждую семью и в кабинеты начальников. Да и вообще: подобных городишек вокруг Москвы было завалилось, порой в них даже запутывались, но каждый, даже самый захудалый и

зачуханный, имел свой фирменный знак, гордился этим и занимался своим и только ему присущим делом. К примеру, Гусь-Хрустальный изготавливал каких-то там гусаков из хрусталя, а может быть, ещё курицами и утками разбавлял

свой суррогат, но хрусталь на ноги-то, тем более на задницу, – не натянешь!.. Потому, с нашей точки зрения, в городишке Суконном благодаря текстилю, сукну и всяким там тряпкам, которые: плелись, прялись, шились и вязались, всё это являлось гвоздём всей жизни в городе и надеждой в будущем всего потомства. Сунонно-носочно-чулочная фабрика в городе являлась для жителей городка – подобно дойной коровы для бедной многодетной семьи.

Сложно было найти в городе семью, в которой кто-нибудь из её членов не работал бы на этом предприятии, потому и случай поневоле задевал и давил на затылок всех поголовно. В те дни, как перешёптывались богомольные, в прошлом исчахшие за ткацкими станками, старушки, сидя на лавочках у подъездов домов и в многочисленных сквериках в черте города: говорили, что во всех церквях в округе Москвы, на иконах святые угодники поникли взором. А у некоторых – отмечено было старушками – они пустили слезу. Слухи зловещие и пугающие – из уст в уста передавались шёпотом – что со дня на день всё начальство фабрики пересядут по каталажкам, а саму фабрику, из-за её

убыточности, навсегда закроют, а горожанам прикажут расходиться, – куда глаза глядят, на все четыре стороны! Многие, конечно, в этом сомневались, – а напрасно!.. Те, кто это говорил, будто в воду глядели, предрекая впереди

судьбу города, но до тех мрачных времён ещё надо было прожить более десяти лет, и как покажет практика, многим это окажется не по силам. Сейчас стоял злободневный вопрос, как и во все прошлые века по всей России,

судьба завтрашнего дня: что делать?.. и, быть или не быть?!

Стояло хмурое утро понедельника. Тучи, чернее печной сажи, косматые и подобно кошмарному сну, низко ползли в сторону Москвы – златоглавой, где вороньё кружилось не к добру. Зима где-то там, вероятно, задумавшись, за-

стряла у самого Полярного круга: тоже никак не могла настроиться на плодотворную работу после новогодних праздников. Капель стекала по длинным

сосулькам на крышах домов и капала многим прохожим прямо за воротник, а некоторым, с похмелья, думалось, что укусила змея. Под ногами хлюпает мерзость слякотного снега, пропитанного водой, как губка в посудомоечной раковине; зябко, и настроение, как будто перед смертью. Иван Ильич Побрякушкин, как было уже сказано, директор всё той, богом проклятой, трикотажной фабрики «Красный вымпел», сидя рядом с водителем в служебной

«Волге» и проезжая через проходную предприятия, не соизволил, но возможно, из-за своей задумчивости, не ответил кивком головы, что всегда

неукоснительно делал, поприветствовать вахтёра. А он, бедолага, в ту минуту стоял навывтяжку, словно у входа в мавзолей Ленина, и символически помахивал рукой. Как только «волга» проследовала через проходную, вахтёр стремглав бросился в свой домик-конуру и схватив телефонную трубку, торопливо вращая диск на аппарате, принялся обзванивать, – куда и кому надо. Далее

события стали разворачиваться уже не подвластные циркулярам чиновничьей бюрократии. Нарушая и игнорируя многолетние общепринятые правила, машина не поехала в сторону административного здания фабрики, а

свернув направо, стремительно понеслась в сторону производственных цехов и складов. В эту минуту, сотни, а может быть, и тысячи невидимых глаз, из укромных мест следили за её перемещением. Остановилась она у входа в

цех, где изготовлялись женские колготки. Иван Ильич вышел из машины, хлопнув со всего размаха дверью, так что водитель перекрестился три раза подряд, а директор махнул себе за спину ладонью, давая понять, чтобы он уезжал; сам же направился в дверь цеха...

Спустя час с четвертью, Побрякушкин уже входил в приёмную своей резиденции. Недобрый взглядом, из-под хмурых бровей, посмотрел на секретаршу Софью, кивнул головой вместо приветствия, и грубо, словно перед ним провинившийся прогульщик и запойный слесаришка, сказал:

– Первое!.. обзвони все цеха и службы: в тринадцать ноль, ноль в актовом зале состоится расширенное собрание всего руководящего состава фабрики, включая всех!.. Весь начальствующий состав, плановиков-экономистов и всю бухгалтерию; модельеров-художников, мастеров и бригадиров. Второе!..

сразу же садись и печатай приказы, не внося в них должность и фамилию – это ты впечаташь в процессе следственно-производственного совещания.

Приказы будут двух образцов и каждый образец, на всякий случай, отпечатаешь в десяти экземплярах. Первый вариант приказов, там сама по его содержанию поймёшь, положишь в красную папку, второй, более карающий – в

чёрную. К обеду постарайся успеть. Пока ты будешь обзванивать, примерный текст приказов я набросаю... Приступай!.. Да!.. вот ещё что. Отпечатаешь отдельный ещё приказ: об отмене всем, до последнего алкоголика сторожа, тринадцатой зарплаты за прошлый год, а на этот год отменить все надбавки и прогрессивно-премиальные выплаты. К этому добавишь: понизить на трид-

цать процентов все должностные оклады, как и расценки за норму выработки тоже снизить на те же тридцать процентов...

Актовый зал в административном здании фабрики ещё за полчаса до начала собрания набит был до отказа; пришли даже те, кому тут и не место

было. Из соседних кабинетов пришлось ещё натаскивать и стульев. В зале многолюдно, но стоит предгрозовая тишина; лишь на ушко перешёптываются и в основном женщины. Напряжение собравшихся в ожидании чего-то архи-неординарного, не вписывается в рамки ранее подобный сборищ, ибо всегда собирались только в торжественных случаях: вся эта бодяга душу гнетёт: мужикам хочется выпить, а женщинам плакать, а лучше всего бы домой поскорее уйти. Там уйма работы: жрать надо готовить, стирать и на детей накрывать, а с мужа, что с колокольни фонарь.

За длинным столом президиума, вновь нарушая все каноны ведения подобных собраний, сидело всего три человека: сам директор Побрякушкин, его

первый заместитель Сикорский Илья Николаевич, и в качестве ведущей собрание, секретарь партийной организации фабрики Мария Ильинична Морозова. (Не путать с Марией Ильиничной Ульяновой и ещё просим не думать,

что она состояла с Саввой Морозовым в родственных отношениях, потому как сведений таких не поступало.) Чуть в стороне, за отдельным столиком, на котором стояла печатная машинка, положила кисти рук на крышку стола: с печальной, убитой гримасой на личике и отсутствующим осмысленным взглядом,

сидела секретарша Софья, – «святая мадонна» – с иконы. Сидела будто бы у гроба покойника.

– Слово предоставляется директору фабрики «Красный вымпел» Побрякушкину Ивану Ильичу, – поднявшись с места, объявила парторг Мария Ильична Морозова. В зале стали аплодировать. Директор поднялся и направляясь к трибуне, подняв руку кверху, прокричал, что есть мочи:

– Прекратить аплодисменты!.. на похоронах покойника не приветствуют!..

Хлопки тут же замерли; и лишь в самом дальнем ряду, какой-то идиот, всё продолжал хлопать, будто бы всем на зло, но на него уже никто не обращал внимание. Директор подошёл к трибуне, но остановился рядом с ней, положив лишь правую руку на тумбу, словно желал тем самым быть ближе к слушателям, и донести до каждого всю ту горечь, которую он намерен был выплеснуть в последующие минуты в зал.

– Сегодня с утра, – начал свою речь директор, а в зале в эту минуту казалось, что все дышать прекратили, – я в течение часа обошёл проблематичную часть наших производственных площадей, которые поставили нас на грань пропасти и полного краха... Заглянув при этом, по пути, и на склад готовой продукции, после чего, у меня добавилось на голове седины и появилось в душе

чувство, что я уже покойник. Потому-то я вам и не позволил устраивать оваций. За вонючие всякие загашники и закоулки-подсобки, можно при этом помолчать, ибо, когда рубят голову, сами знаете, по волосам уже не плачут...

Неожиданно умолкнув, директор резко обернулся и направился к столу, где сидел его жидкий президиум, в двух только лицах. Подойдя, взял со стола

папки, после чего вновь вернулся к трибуне. Красную папку, держа в левой руке, а чёрную в правой, поднял на уровень головы и потрясая ими, эмоционально, выкрикнул:

– Вот в этих двух папках, для многих из вас сидящих в этом зале, не только благополучие завтрашнего дня, но и всей дальнейшей вашей судьбы: продолжать работать на совесть и дальше на фабрике или будет выписана путёвка к следователю прокуратуры, после чего придётся, так или иначе отправиться в исправительный лагерь и ишачить там уже за чашку баланды!..

При этих словах, словно под сковородку подбросили жару, на которой сидели члены собрания, ибо, по наблюдению со стороны, многие стали привскакивать на сидениях, а уже через минуту, пока выступающий выдерживал

длительную паузу, в зале стали кричать, ругаться и грозить неизвестно кому, а на отдельных островках зрительного зала возникли стихийные зуботычины.

Но, начинали-то, казалось ведь, с совсем безвредного жеста – кукиш под нос!.. – а следующий кукиш почему-то не получался, превращаясь в обычный кулак...

Иван Ильич, продолжал терпеливо ждать пока успокоятся, но видя, что этому не будет ни конца и ни края, снова поднял руку, как гаишник регулируя движение транспорта на перекрёстке, крикнул, словно на стадо коров, которые вышли из подчинения:

– Угомонитесь!.. пока я вас совсем не разогнал!..

В зале, словно тумблер выключили, голоса мгновенно утихли, только поскрипывание сидений кое-где слышалось. Директор повернулся в сторону правого участка сцены, где в рядок стояло четыре пустых стула и указывая пальцем на них, сказал:

– Вот то место – будет у нас скамьёй для подсудимых и первым кого прошу занять эти почётные места, для ведения судебно-следственного разбирательства, самых главных виновников случившегося преступления, ибо других

слов, назвать то, что у нас произошло, я не нахожу... Так!.. почему сидим?!.. Нужны фамилии?!.. – или совести не хватает самому подняться и занять место?!.. Ну, ладно, пока вы будете набираться храбрости или совести... Софья Петровна, зачитайте нам приказ по фабрике.

Секретарша поднялась за своим столиком и держа лист перед собой, стала читать приказ:

– В связи со сложившимся катастрофическим положением на фабрике в отделе сбыта готовой продукции, что выявилось лишь в наступившем новом году, последствия которых поставили предприятие на грань разорения и преодолеть это, если нам и позволят, то придётся долго исправлять положение и займёт это не один год. Приказываю. Ранее уже начисленную тринадцатую зарплату за прошедший год: отменить всем без исключения. В последующие месяцы: подлежат отмене любые надбавки, выплаты сверх урочных, премии и прогрессивные начисления. Должностные оклады для руководящего со-

става фабрики и расценки за норму выработки для рабочих по всем цехам снизить на тридцать процентов...

Дочитать приказ Софье так и не дали. Зал загудел, как улей потревоженный медведем, послышались провокационные выкрики, а одна дамочка заговорила, как будто кто-то помер. Тринадцатая зарплата – это не просто зарплата: на неё многие в течении года возлагали большие надежды, ибо то, что получали ежемесячно: от аванса до получки – уходило влёт, и приходилось ещё и перехватить до зарплаты...

Девяносто процентов рабочего люда на фабрике были женщины, многие из которых, всего навсего, собирались, наконец-то, на зиму купить, а предпочтительней было бы заказать в ателье мод женское модное пальто, или са-

пожки на натуральном меху с каблучком, о которых многие мечтают уже последние десять лет, а не ходить по городу, как анчутка с вокзала. И как тут, даже язык не поворачивается, взять прямо и сказать им в глаза, что, – извините, барышни текстильщицы, хоть и пахали вы целый год, как ломовые лошади, зачастую по две смены подряд, прихватывая попутно свой выходной и

гоня по два плана за смену, но пролетели вы в этом году, как швед под Полтавой!.. Придётся вам в ближайшие несколько лет и дальше продолжать носить на себе те, анчутковые, обноски. Озвученные директором во весь голос драконовские расценки по зарплатам и должностным окладам, без всяких на то

статистических подсчётов, во весь голос заявляли, что работать-ишачить вам, чулочницы-носочницы, как проклятым, подтянув животы, а в обеденный перерыв, на скорую руку, не отходя далеко от станков, сжевать хлебный батон, запив его бутылкой обезжиренного кефира... Ну, а там, дальше, как масть ляжет, или господь бог пошлёт...

– Значит ли это, что невиноватых нет?!.. Как я вижу ни одного места на стулке не занято!..

Крикнул в зал директор, преодолевая своим голосом шум и выжидательно, помолчав, продолжил:

– Вы, наверное, ждёте, что я сейчас крикну: подать сюда Тяпкина Ляпкина?!.. Ну, пусть будет по-вашему!.. Прошу на сцену... самых злостных – братьев Карамазовых, из достоевщины!.. как помнится мне, их там два по два,

словно близняшек. Где вы там притаились?!.. Начальник цеха женских колготков, Задрищный?!.. Олег Семёнович, не стесняйтесь, здесь все свои собра-

лись, проходите смело и садитесь на свой стул крайний справа. Следующим – главный технолог этого же цеха, Затычный Павел Николаевич, прошу любить и жаловать, один из-тех, кто украл вашу тринадцатую зарплату. Вы, Пал Нико- лаевич, садитесь где-нибудь посредине. Где там подевался Залушный, начальник цеха готовой продукции?!.. Ага, вот и он нашёлся... Вы, Николай Олегович, садитесь тоже на самый крайний стул, ибо, судя, по предваритель- ным соображениям, вас в первую очередь придётся отправлять в камеру

предварительного заключения. Ну и для полноты всей этой шайки-лейки, пригласим сюда Казбека Абрамовича Загашного, главного нашего товаро- веда. Кажись, для начала все в сборе...

Когда все четверо расселись на стульях, Иван Ильич, подойдя к ним, стал поочерёдно всматриваться в лицо каждого, медленно переступая ногами. Наконец, вздохнул глубоко и ска- зал:

– Сейчас все сидящие в зале подумали, что я их впервые вижу, потому так и присматри- ваюсь к каждому, и возможно будут правы, ибо до сегодняшнего дня все эти четверо в моих глазах представлялись в ином обличьи. Начнём

согласно занимаемой должности. Олег Семёнович, вам первому слово, вый- дите к три- буне и объясните народу, как вы докатились до этого, прихватив за собой и нас всех скопом. Прошу, мы внимательно слушаем вас!..

Задришный, начальник цеха женских колготков, продолжая сидеть на стулке, вначале как-то съёжился, будто от холода воробей нахохлился, но в следующую минуту медленно поднимаясь, вероятно, колеблясь в душе, при- нялся бор- мотать, как у попа на исповеди:

– Простите, товарищ директор, пусть я последней сволочью буду, сам не знаю, как всё это вышло!.. не сойти мне с этого места, дайте срок!.. исправим всё, как надо...

– Софья Петровна, выньте из чёрной папки приказ и впечатайте в него фа- милию това- рища Задришного. Завтра же передать персональное дело на коммуниста Задришного на бюро партийной организации фабрики, а после вынесения решения, личное дело отправить к сле- дователю прокуратуры.

– Я же вам докладывал, Иван Ильич, что сбыт готовой продукции тормо- зится, и по сути, на грани остановки!.. – крикнул на весь зал начальник цеха.

– Да он у тебя и не тормозился!.. он у тебя полностью отсутствовал!.. не лу- кавь и не ври хоть напоследок!.. Ты посчитай сколько вагонов товара тебе возвратили оптово-тор- говые базы!.. А сколько ты угробил материала и чело- веческого труда?!.. Этого вообще невоз- можно подсчитать!..

– Выражаю протест!.. Я не виноват, что колготки никто не хочет брать! У меня план, и я его старался выполнить. А вы тогда сказали, что страна боль- шая, каждой женщине по одной штучке и половины не оденем...

– Прекратите истерику!.. это вы будете в другом месте объяснять со всеми подробно- стями!.. Залушный Николай Олегович, вам слово. Ответьте только

честно, почему вы, как начальник цеха готовой продукции, не пришли ко мне и детально, по каждой мелочи, не доложили вовремя?..

– Стремилась год отработать так, чтобы все газеты о нас заговорили. План гнали. Не до реализации было. Всем хочется премиальных и почёта, а то и ор- ден на грудь повесить... Вообще-то собиравшись доложить обо всём в конце

этого месяца, но как видно, не судьба, само выскалилось...

– Слышу более правдоподобный ответ, но приказ на вас всё-таки придётся позаим- ствовать из чёрной папки, слишком уж у вас должность в этом деле ответственна. Теперь постараемся выяснить причину: почему нашу продук- цию отказывается брать торговая сеть.

Судя по первым опрошенным, терять время на остальных не стоит, всё равно от них пользы не добиться. Софья Петровна, давайте сюда все четыре приказа...

Секретарша Софья подошла и положила на стол приказы. Иван Ильич, росчерком пера авторучки, заправленной чёрной тушью, при гробовой тишине в зале, сикись-накись, по углу приказа, принялся карябать своё резюме, да так старательно, да при такой гробовой тишине, что треск пера по бумаге слышен был и сидящим в зале. «...Уволить, согласно статьи... Не соответствие занимаемой должности... Повлѣкшее преступные действия... С передачей персонального дела на бюро райкома партии и последующим ходатайством перед прокуратурой о возбуждении уголовного дела...».

Пока секретарша читала, директор сидя за столом, в это время как-то поник, на лице проступила нездоровая бледность, и когда Софья умолкла, он, прищурив глаза, будто от близорукости, периодами немного сбиваясь в речи и

проглатывая окончания слов, не поднимаясь с места, повышенным, но с грустью в голосе, сказал:

– Меня удивляет одно!.. Мы целый год, не покладая рук, превысив во сто крат все нормы сверхурочных рабочих часов: ткали... плели... шили и мастерили; крашили и паковали, и только затем, чтобы отправить всё это на склад, на съедение мышам и плесени. Отбросив всякие сомнения и оценить весь ущерб, наконец, расставить все точки над – и – это не по силам простому человеку. Скажите, в этом зале присутствует хотя бы один человек, который мог бы внятно всем нам объяснить, что произошло и в чём главная причина?!..

– Разрешите?.. – поднявшись с места, вытянув руку по-ленински – только без кепки в руке – крикнула полная женщина.

– Пожалуйста, представьтесь и говорите всё что думаете.

– Екатерина Сорокина, я мастер второго участка, того самого цеха, будь он не ладен. Извините, если я как-то не совсем культурно выражусь, но назвать женскими колготками то, что мы производим, у меня язык не поворачивается... Я согласна, что до лосин, которые производят на Западе и которые обтягивают женскую фигуру на ней, как и каждую складочку на её теле, нам – ой, как ещё далеко и легче, и быстрее на карачках от Магадана доползти или обратно, чем что-то подобное на свет божий произвести. Вот шерстяные гетры на ноги, до колен, и чулки, постоянно сползающие на колени, никакие резинки их не держат, хоть гвоздями их прибивай – эт, пожалуйста, но кроме старух, они и даром никому не нужны. Отбросив всякие сентиментальности и спрятавшись за штору в каком-нибудь будуаре или чулане, только там можно натянуть на себя наши колготки, притом через голову, и только в этом случае, у кого, конечно, груди большие, они могут скрыть свой изъян...

– Что вы имеете ввиду?.. я что-то, так ничего и не понял!.. – прервал выступающую директор вопросом.

– Да они же висят на тебе и на ногах, будто одела гофрированную шлангу, по которой из нашего туалета ассенизаторская машина каждый день дерьмо выкачивает!.. – изобразив на лице улыбку, глупее которой не встретишь, ответила Екатерина Сорокина.

– Говорите яснее, к чему всякие пошлые сравнения и примеры приводить!..

– Да яснее уже и не скажешь!.. Одной мотни на пуговицах там не хватает!.. Вот как раз та мотня и свисает у иных почти до колен, а сзади, то что должно обтягивать – как и положено – курдюк повис, как у откормленной овцы, или ты наложил туда ведро, сами знаете, чего, а на коленках всё вытягивается, и сколько не подтягивай, от этого со стороны ещё страшнее всё выглядит. Кто же будет носить такие колготки?!.. – курам на смех!.. прямо смехолудие какое-то получается. И виноваты во всём этом – технологический и технический отдел, и в первую очередь главный инженер и главный технолог...

– Что вы её слушаете!.. – прокричал из зала худосочный мужик в очках, – эта, индюшка, всё шиворот навыворот вам преподносит! Где вы видели, чтобы штаны, а колготки – это те же

брюки, да надевали через голову?!.. Я пока что по дурдомам не шлялся, а кому туда давно пора – скатертью дорога!..

– Я вот что предлагаю, Иван Ильич, – не обращая внимания на выкрик из зала главного инженера Борщевского, продолжала свою речь Екатерина Со- рокина, – колготки – те, что скопились на складе, вернуть постепенно в цеха и разделить их на две части. От носков и чуть выше колена – пойдёт на чулки, а верхняя часть на панталоны женщинам преклонного возраста, а там, гляди, и для молодых кое-что подойдёт...

– Вас, если послушать, – вновь прервал выступающую директор, – так получа- ется, что мы не способны даже поставить на поток и женских рейтуз. Так вы- ходит?.. Так, где же нам искать таких мастеров?..

– Уважаемый Иван Ильич, да не переживайте вы и не сомневайтесь!.. там есть и к тому же немало вариантов, как нам исправить то, что считается бра- ком. К примеру, ту мотню, что обычно до колен свисает, аккуратно по кругу вырезать, красиво окантовать, а носки, в том месте где ступня начинается, взять и оттяпать, тогда из колготков выйдет неплохая водолазка и пара нос- ков. После чего облагородить и отправить в красильный цех. Применить раз- нооб- разные яркие краски, гляди, оптовики, с руками оторвут...

Незаметно промелькнул обеденный час, а собранию не видно ни конца и ни края. Всем присутствующим казалось, что придётся им здесь сидеть, если не до самого утра, то до сере- дины ночи уж точно. Кое-где и кое-кто, из числа мужиков, оттопырив наружу живот и удобно устроившись на сиденье, скло- нив на плечо свою брентную голову, и с негромким похрапыва- нием, досмат- ривал сон прошлой ночи. Руководящий коллектив фабрики, многим из кото- рых казалось, что этот подлый случай – с бабскими колготками – подвёл их всех под монастырь и облил грязью, как профессиональных специалистов в области ткацко-прядельно-носочно- чулочной деятельности, горько при этом подумали: «Провалились вы в тартарары – эти рейтузы с чулками!.. Свяжись с

бабскими делами на погибель головы своей... добром всё это для нас явно не закончится, а кому-то придётся, возможно, отправляться и на нары...».

Тем временем к трибуне для выступлений, в развалку, по ступенькам вска- рабкалась на сцену следующая оратор: в образе полной женщины, которая подойдя к трибуне и астмати- чески задыхаясь, повернув голову не в сторону зала, а на стол президиума, прокричала в лицо директора Побрякушкина, глядя именно на него:

– Сорокина Катя всё правильно сказала: за какое место ни схватись – кругом всё висит и телিপается, хоть бери да ваты кругом подкладывай, но для жен- щин на фабрике не это главное. То, о чём вы озвучили, товарищ директор, то прямо, как жизни нас лишает!.. Будьте вы, товарищ директор, завтра дохлый, прежде, чем мои деточки не станут держать в руках кусок хлеба!.. Я со- гласна!.. Пусть буду, и я лежать рядом с вами и совсем не живая, но всему на свете есть края!.. И помяните мои слова: не зная, как прокормить своих де- тей, не надо их на свет делать!.. Шош мы за людены, шо бы диток на голод обрекать?!..

– Да она белены объелась! – закричал, сидевший в переднем ряду началь- ник транспорт- ного цеха Пщешинский, – говорить такие слова товарищу ди- ректору – это просто помутне- ние разума!.. Сама, лахудра, отъелась, в цеху всё время шашни заводит, детей наплодила неиз- вестно от кого...

– Заткнись!.. выбл... ок, ты гадючий!.. – заорала на весь зал стоящая за трибу- ной жен- щина, – если ты не припадочный, то после собрания я буду иметь с тобой пикантную беседу в тёмном углу, а после и дальше будешь скалить

зубы, если они ещё останутся в твоей вонючей пасти!..

– Прекратите склочничать!.. – это вам не барахолка на базаре!..

Приподнявшись со своего места и со всей силы хлопнув ладонью по столу, прокричал директор Побрякушкин, но по всему залу, словно огонь по сухой траве, уже разгорался скандал. Слышалась матерщина, многие женщины

принялись плакать, а особо голосистые, размахивая руками, бросали лозунги под-стать революционным:

– Устаревшее оборудование!.. на нём ещё наши прабабки ишачили!.. на нём ещё Савка Морозов свои миллионы строгал!..

– Нитка не та!.. из дратвы лавсана не получится!..

– Что б она вам поперёк глотки стала наша тринадцатая зарплата!..

– В гробу я видел всё это в белых тапочках!..

– Вот, суки, опять на деньги надули!..

– Сами раздолбаи, и такой же продукцией склады завалили!..

– Клоака, а не фабрика, хуже дурдома!.. какого хрена вам от меня надо, если я вообще к вашим бабским трусам пришей собаке хвост!..

– Мироеды кругом!.. Прямо хоть вилы в руки бери!..

Щещинский, всех перекрикивая, возбуждённый, морда вся красными пятнами, будто на солнце обжёгся, хрипя и кашляя, пытался доказать то, о чём и сам не осознавал:

– Требуется поставить вопрос ребром, а не горлом брать и устраивать всякие

голосования!.. У вас у всех гнилые мысли, как и те нитки, которыми колготки вы пытаетесь на свет божий произвести!..

– Вот, гады!.. последний кусок хлеба изо-рта вырывают!.. – крикнула де-вушка, – и этот, хрыч, ещё на нервы капает!..

Щещинскому не дали досказать, кто-то схватив за спину начальника транс-портного цеха, вначале попытался надавить ему на плечи и усадить в кресло, но тот стал вырываться, тогда один треснул его кулаком между лопаток, а двое мужчин разом схватив с боков, резко дёрнули и Щещинский шмяк-нул задницей на сиденье. Тем временем к трибуне уже бежала по проходу довольно ещё молодая и с виду аппетитная барышня: фигура вся обтянутая кофточкой и юбкой так, что казалось сию минуту всё расплзётся по швам.

Выкатив свои лисьи глазки наружу, растянутые чуть ли не до ушей, и выпячив вперёд солидные груди, бежала и на ходу, кричала:

– Нашли о чём, твою мать, я прошу прощения, воду в ступе толочь, когда всё нахрен, как на помойку выплеснулось!..

Дама бальзаковского возраста, вскарабкавшись на сцену, подходить к трибуне не стала, а стоя посредине сцены, обвела взглядом впереди сидящих, и вероятно, по их взгляду заметив, что все словно сговорившись, смотрят на её красивые ноги, простёрла вперёд руки ладонями кверху и продолжила свою речь:

– Ну?.. и чего вы устались на мои ноги и коленки?!.. Я же не в церковь

пришла на них стоять и натирать себе мозоли!.. И те, наши колготки!.. – я ещё из ума не выжила, чтобы на себя их натягивать!.. Какие к чёрту могут быть тут разглядывания, когда моя тринадцатая зарплата накрылась медным тазом!.. Да будет вам известно, япона, вашу мать!.. – что я под неё уже взяла югославские сапожки и надевала их уже целых три раза, а теперь, получается, что даже вернуть их нельзя!..

– Говори по делу, – крикнули из зала, – про свои ноги и сапоги расскажешь в другом месте!..

– Вы рот-то мне не затыкайте!.. я ещё не научилась, чтобы непостижимым образом снимать с себя рейтузы через голову, как об этом тут заявляют в

зале!.. А коль кому-то неймётся, то могу и снять, хоть здесь, на сцене, для того чтобы бросить их в вам морду...

Шум в зале всё нарастал. Кто-то из середины зала крикнул: «Давай, снимай, посмотрим, какие они у тебя цветом!..». Возбуждённые голоса словно вихрем закружило, замотало и понесло над головами, под потолком, ударя-

ясь в стены будто осколки шрапнели, эти слова с лёту били по загривку сидящего с понуро опущенной головой директора Побрякушкина. Иван Ильич со- всем было уже духом упал и уже не рад был, что затеял это собрание. Всё- таки не стоило было торопиться, а тщательно вначале обдумать, подгото- виться и обсудить детально этот вопрос с тещей. И в эту минуту он уже почти не слышал, о чём кричали в зале; предаваясь своим размышлениям, в голове сверлила одна и та же мысль, – надо заканчивать эту богадельню, ибо уже и так понятно, что этот пожар полыхающий в этих стенах, в последующие пару часов будет перенесён вначале на кухни, а вечером и в спальни, а уже завтра, прямо с утра, непременно запольхает по всему городку Суконному, переска- кивая из уст в уста с горько-кислой приправой вранья и домыслов. Грозная, опасная молва, просачиваясь во все щели дверные, поползёт от одного плю- гавого с виду склочника, со слюнявым отвратительным ртом, в уши такого же, недоумка, который в ту минуту вынет из ушных раковин затычки и скажет ехидно: «...А я ва-ам, сосе- душка, ещё прошлым летом говорил, что на фаб-

рике, у нас в городе, не всё в-порядке и туда давным-давно, край, как требо- валось бы послать ОБХСС, и собака бы, кстати, тоже не помешала... Эти чинов- ники и начальники над начальниками – псы, откормленные партией, толкутся подобно свиньям у корыта, рылом своим отпихивают друг дружку, испод- тишка грызя конкурента на должность повыше...».

Директор повернул голову в сторону ведущего собрание и сквозь зубы со злобой, сказал: – Объявляйте о прекращении прений!.. – а решение собрания вынесем в уз- ком кругу руководства фабрики и, прошу!.. заканчиваете, как можно быстрее, эту комедию...

На удивление, участники собрания покидали актовый зал в полном молча- нии, словно уходили с поминок по усопшему.

Спустя пару часов директор фабрики «Красный вымпел» с гадостным чув- ством в душе, будто бы там побывали лесорубы с топорами, искромсав ему там все вены и жилы внутри, не позабыв при этом пошинковать селезёнку с печёнкой, а сердце при этом попинать ногами, чтобы звонче и громче сту- чало, покидая территорию предприятия и заведомо предвидя и всей своей кожей предчувствуя катастрофический финал своей карьеры, спешил, как

можно быстрее, скрыться из глаз своих сослуживцев. Выскочив из салона слу- жебной «волги», доставившей его к подъезду дома, стремительно влетел в двери; и перебирая ногами ступеньки, стал подниматься на свой третий этаж, а подбежав к двери, трясущимися руками: одной рукой стал стучать в дверь,

а второй, пальцем, давил всё на кнопку звонка. В эти минуты горькие раз- мышления, словно в спину толкали, быстрее укрыться в стенах своей квар- тиры, под опеку и умные советы своей тещи, Инессы Остаповны. Ко всему

этому в душе нарастал гневный шторм, а скорбь самолюбия червем точила и разъедала казалось все внутренности, посеяв сознание краха: всё это подстё- гивало, толкало куда-то бежать сломя голову и что-то делать, а не сидеть

сложив руки и ждать, когда на них защёлкнут стальные браслеты наручников.

На пороге, неожиданно распахнувшейся двери, преграждая дорогу, будто бы решая, – впускать или вытолкать в шею – возникла теща. Оглядев подозри- тельно зятя с ног до головы, встретила словами:

– Иван Ильич, то что на вас нету лица, о том можно и промолчать, пропу- стить мимо ушей в голове, но можно и подумать, что вы только что, я извиня- юсь, огра- били ювелирный магазин Соломона Менделя... Так я вам хочу ска-

зять, что большевики его расстреляли ещё в двадцатом и прямо на Дерибасовской, напротив его же дома, а вы, не подумав об этом, словно утащили отсюда мешок бриллиантов и по вашим пятам щас гонится ГПУ и милиция...

Монолог Инессы Остаповны затянулся, а Иван Ильич тупо глядя на неё, стоял, как идиот, на пороге при открытой двери и, кажется, почти не слышал тещу, которая, будто читала талмуд, продолжала:

– Я извиняюсь, но судя по вашему настроению, боюсь, что моя единственная дочь – божье создание и дева Мария воплоти – уже разорвется и впадает в нищету. И скажите, на милость, как она сможет прожить, на ту мизерную

зарплату, что даже последний бродяга побрезгует её в руки брать, а ей её платят. И казалось, всего лишь за то, чтобы она рассматривала какую-то там мазню на белом холсте... Я сама, уже бог с ним, доживу как-нибудь последние свои годы и в старом доме: на чёрством хлебе и воде, но дочь моя явно

этого не заслуживает!.. Кстати, чего вы стоите, как истукан на пороге?.. у вас что, ноги отнялись?!..

– Так вы же, Инесса Остаповна, мне проход весь загородили...

– Да?.. странно, а я как-то и не заметила это, мне почему то показалось, что я никому не мешаю...

После такого заявления со стороны Инессы Остаповны, что произвело весьма отрицательное впечатление на Ивана Ильича, у него вдруг пропало всякое желание обсуждать с тещей итоги прошедшего собрания на фабрике – мысленно сказав себе – что не стоит уподобляться той категории личностей, которые напрочь потеряли своё самолюбие и превратились в подобие поло-

вой тряпки. «В случае суда, – подумал Побрякушкин, – срок само собой намотают, но ещё и конфискуют имущество. Хоть и говорят, что бедность не порок, но жить в нищете после отсидки?!.. Нет!.. надобно всё наперёд тщательней обдумать...». Продолжая медленно снимать с себя верхнюю одежду, он искоса кидал недовольные взгляды в сторону тещи, которая так и продолжала

стоять у порога входной двери, и наконец, когда он было направился в гостиную, она вслед сказала:

– Я пойду в столовую накрывать на стол, а вы, Иван Ильич, переоденьтесь и приходите сразу туда; там, не откладывая в долгий ящик, вы мне всё и расскажите...

– Не надо никакой стол накрывать!.. – сказал зять, явно измученным голосом, – мне что-то нездоровится. Я, пожалуй, пойду к себе в кабинет, там на диване прилягу. Так что извольте, Инесса Остаповна, не беспокоиться. Возможно, завтра, я и постараюсь вас ввести в курс дела...

Лишь только стрелки часов перевалили за полночь и стали показывать на циферблате час ночи, как в восточной части городишка Суконный, где на

огромной территории располагалась та самая «дункина» фабрика «Красный вымпел», полыхнуло вначале взрывом дыма с огнём, а затем следом запылали, заплясали уже языки пламени, озарив небосвод. В первые минуты вспыхнувшего пожара, город продолжал сладко спать; и лишь когда в небе дополнились огромные клубы дыма, сияющие внутри огнём, и ввысь устремились ещё несколько фейерверков пламени, послышались пулемётные разрывы стреляющего шифера, а вслед за этим вначале взвыла одна сирена пожарной машины, а через время к ней стали подключаться и другие тревожные завывания спецтранспорта: пожарных, милиции и скорой помощи, и

лишь только тогда жители городка повскакивали со своих постелей. Улицы оставались пока что пустынными, но жители в одном нижнем белье, уже соскочив с диванов и кроватей, прилипли к окнам, пытаясь разглядеть и определить, что и где так полыхает в ночи, заревом под небеса.

Инесса Остаповна, вбежав в кабинет зятя, открыла было рот, собираясь прокричать, – караул, горим синим пламенем! Но увидев, что зять стоит у окна, в ту же секунду подавила в себе эти признаки нарождающегося, глубоко внутреннего и личного пожара, замерла на пороге кабинета с открытым ртом. А, Иван Ильич, тем временем стоя у окна и держа руки вразброс, уце-

пившись ими за раздвинутые оконные шторы и задрав по-волчьи голову кверху, протяжно и заунывно выл. И этот утробный звук напоминал стон ра-

ненного зверя. Представшая теще картина, вначале ввела её в полный паралич, но в последующую минуту она перекрестилась целых три раза, что до

этого дня делала в редчайших случаях, а возможно и ни разу, и пытаясь тем самым защитить себя от всех предстоящих бед, она тихо промолвила:

– Иван Ильич, горит-то, я извиняюсь, что б мне вторую молодость ещё раз пережить, наша с вами фабрика, а вовсе не городская конюшня, которая сгорела ещё в начале двадцатых годов. Это что ж получается?!.. кто-то хочет

спрятать концы в воду?!..

В эту минуту в квартире, разрываясь, зазвенели сразу три телефона: один в прихожке, второй в дальней супружеской спальне и третий прямо под носом, на столе в кабинете. Иван Ильич сделал пару шагов в сторону стола, но теща, отрицательно махая рукой, первой подбежала к столу и схватив трубку, крикнула:

– Да, я слушаю... Нет его!.. он в ту же минуту, как загорелось, выскочил, как угорелый из квартиры и понёсся в сторону фабрики... А я-то откуда могу знать?!.. Там и ищите, где ярче и сильнее горит!..

Сказав последние слова и бросив трубку на аппарат, уже обращаясь к зятю, продолжила:

– Пока сиди и не рыпайся!.. там ты уже ничем и никому не помощник, но отведать будешь в качестве первого стрелочника. Что-то с тобой надо будет делать...

Неожиданно в прихожей надрывно и без пауз стал трезвонить звонок. Инесса Остаповна, покинув кабинет и прикрыв плотно за собой дверь, устремилась к входной двери, а открыв её, увидела стоящего водителя служебной машины. Не дожидаясь от него вопросов, выпалила:

– Василь Павлович, извиняюсь, но он уже где-то там, на том проклятом пожаре, понёсся, то ли попутной, то ли таксомотор его подобрал... Боюсь за него и что-то на душе неспокойно, как бы чего там с ним не случилось, и сон прямо в руку: ровно в полночь приснился, что мы его, можете себе представить?.. я извиняюсь, прямо голого, в чём мать родила, да прямо без гроба!.. да прямо в сырую могилу, представляете?.. закапываем!.. к тому же все почему-то смеёмся, проснулась, а тут через полчаса и пожар полыхнул... Найдите его там, Василь Павлович, да присмотрите за ним, это моя личная просьба к вам...

Проводив водителя, Инесса Остаповна, словно разъярённая пантера, возвратясь в кабинет, строго, не допуская возражений, сказала зятю:

– Тебе надо собрать срочно вещи и уезжать куда-нибудь подальше от этого места...

– Инесса Остаповна, о чём вы говорите?!.. Куда я могу уехать, скажите, на милость?!.. Куда бы я не уехал, везде найдут и много времени на это им не потребуется, ну разве что, куда-нибудь в глухомань таёжной Сибири и то, если через годик там не подохну, то и там найдут...

– Не найдут!.. – если сам своим глупым языком ботать не станешь!.. А ты что же хочешь?!.. Загубить жизнь своей дочери, не говоря уже о Фаине, а за меня так и вспоминать не стоит!.. Катенька только на первом курсе университета, да они всегда предлог найдут,

но отчислят – за будь здоров, посчитают!.. Вы- швырнут и даже не скривятся! И что потом прикажешь ей делать?!.. Идти на панель?!.. Я тебя умоляю, Иван Ильич!.. не губи ты себя – это прежде всего, и, хотя бы немного пожалей ты нас, ради бога... А Фаине?!.. ей что?!.. лишиться всего и в прачки податься?!.. Оберут же до нитки!.. выселят куда-нибудь на окраину города, в сталинский барак, или ты этого не знаешь?!..

– Так что же мне, пойти и удавиться?!.. Так что ли?!..

– Удавиться всегда успеешь, то дело такое, что с ним торопиться грешно, – уже спокойным голосом сказала тёща, – посиди здесь, успокойся. Слушай и делай всё, что я говорю, а я сейчас схожу к себе в комнату, кое-что поищу в своих заглазниках. Только, если кто звонить будет, не вздумай поднимать

трубку!.. С этой минуты начинай привыкать к мысли, что тебя нет не только в этом городе, но и вообще на этом свете. Чем быстрее усвоишь это, тем лучше для нас всех будет!..

– Как это нет?!.. Куда же я делся?!.. – крикнул Иван Ильич уже в след, скрыв- шейся за дверью тёще.

В комнате установилась тишина. На комод, чёрном как смоль и ещё ста- ринной работы, громко цокал будильник, вмонтированный в статуэтку ка- кого-то обнажённого атланта, стоящего среди острых скал, а с улицы, за ок- нами, в это время продолжал доноситься, какой-то непонятный гул, со сто- роны горячей фабрики. У Ивана Ильича в эту минуту состояние нервной си- стемы было: кажись, сквернее не бывает на душе у человека. В-прессовав- шись поглубже в объёмное мягкое кресло, с натянутыми жилами и нервами, подобно струнам на рояле, на бледном лице отразилась и замерла гримаса

взволнованности от услышанных из уст тёщи слов, в душе сменялась эйфория на жуткую панику. Он пока ещё находился в благоустроенной квартире, поль- зуясь по самому высшему разряду условиями бытового обеспечения, но во- ображение в его голове уже рисовало страш- ную картину предстоящих скита-

ний. Шайки-кучки отбросов общества, которые прозябали на самом дне со- циальной лестницы и к которым так или иначе предстоит и ему присоеди- ниться. В мозгу рисовались грязные и оборванные падшие женщины, скрю- чившись от холода или задрыв подол в пьяном угаре – лежат, сидят, скособо- чившись – в холодных, сырых подвалах заброшенных строений. А тот живот- ный страх, перед блюстителем порядка, жгучей болью и нытьём рваной

раны отдавался в грудной клетке и под самой ложечкой. На смену человека в милицей- ской форме, в глазах будто живые восстали будущие его собратья по несчастьям, которые не моргнув глазом, до-полоумия упившись аптечными настойками на техническом спирте, в один из мрачных вечеров всадят ему

под рёбра нож, а спустя время вдруг обнаружив, что он ещё не подох, лёжа под мусорным ящиком, примутся его добивать ногами. От этих мыслей Иван Ильич передёрнул плечами, как будто бы взмёрз, потрепал зачем-то себя из стороны в сторону за бороду, словно пытаясь поставить в голове мысли на

своё место, тихо, пока в комнате нет тёщи, про себя, сам себе сказал: «Во- обще-то нико- гда не поздно, и правда, вот эту самую голову всунуть в

петлю...». Но, так и не домыслив, ибо в эту минуту на пороге вновь появилась Инесса Остаповна, и он, хриплым, дрожащим голосом загнанного в угол

зверька, спросил, чуть ли не сквозь слёзы:

– Как я полагаю, Инесса Остаповна, мне предстоит жизнь изгнанника и бро- дяги?!..

– Ну зачем прямо кидаться в крайности?!.. Мы люди не бедные и сможем, как-то так построить свою личную жизнь, минуя всякие мерзости, которые присутствуют в жизни каж- дого общества... Нищий бродяга – это та грань,

Иван Ильич, от которой остаётся всего четверть шага до края могилы, нам это ни к чему. Как говорил, наш великий вождь и учитель Владимир Ульянов, – мы пойдём своим путём, товарищи!.. Оставим на совести покойника, им ска- занное, а сейчас, Иван Ильич, несите мне на стол свои документы, ибо до утра осталось совсем немного времени, а утренней электричкой вы должны будете отправиться в Москву.

Инесса Остаповна уселась за рабочий стол зятя, расстегнув молнию на ко- жаной папке, стала выкладывать из неё содержимое. Наконец, она нашла то, что искала. Немного отстранив от себя из-за возрастной дальнозоркости и держа паспорт в руках, полистав его, сказала:

– Царство небесное моему должнику, безвестно сгинувшему в небытие... Придётся тебе, пропавший без-вести, уважаемый Куцанков Геннадий Антоно- вич, в обиходе – Геша, а чаще звали Гендош, вновь возродиться на свет бо- жий и добрым делом послужить людям. Этот паспорт, который я сейчас

держу в своих руках, когда-то, пять лет тому назад, совсем случайно оказался в ящике моего служебного стола. На торговой базе был у нас экспедитор: шу- бутной такой, юркий балабол и бабник. До сорока лет бегал всё по бабам, да так в холостяках и продолжал оста- ваться, пока эти побегушки не закончились для него печально. Часто брал деньги в кассе под отчёт, помнится в послед- ний раз, задолженность за ним не совсем маленькая висела, пришёл, на колени чуть было не становился, и просил-то сумму небольшую – всего в сто рублей.

Кинул мне на стол свой паспорт в залог, я дала со своих личных денег, не стала оформлять новый расходный ордер. Глянула, а паспорт его так и лежит у меня на столе, подумала, что после отдам, и бросила к себе в ящик стола.

Вот с того дня его больше никто уже и не видел. Искали не меньше года, но, то ли плохо искали, и так как родственников не обнаружилось, и некому было настаивать на его розыске, а он был родом с какой-то глухой деревни Воло- годской области, замяли и вскоре позабыли. Но ходили слухи, что сгинул он где-то по женской части, по крайней мере, на этой почве. Не исключено, что

прибили и утопили где-то в болоте. За паспорт в суматохе я поначалу забыла, а после уже как-то так получилось, что он так и остался у меня. Так что, вот, гляди, и пригодился. С сегодняшнего дня, ты уже не Иван и не Ильич, как и

свою противную фамилию забудь!.. Фаина подаст на развод и снова вернёт свою фамилию – Блуштейн. По крайней мере не будет греметь в дальнейшем побрякуш- ками, я извиняюсь, не примите за оскорбление, Иван Ильич, с языка сорвалось...

Инесса Остаповна, водрузив на нос очки и склонившись над столом, колдо- вала над двумя паспортами: аккуратно срезая бритвенным лезвием фотогра- фии и заменяя фото в одном из них. Долго что-то в паспорте подчищала, под- правляла, и, судя по опыту финансо- вых подчисток и подгонок в прошлом, за- нятие это для неё было не впервые. Теперь предсто- яло вологодскому Ген- дошу возродиться из небытия пропавшего без-вести и влезть в шкуру дирек- тора трикотажной фабрики Побрякушкина, который по мере этой манипуля- ции исчез- нет из мира сего, начав новую жизнь в образе зомби, постигая со- ветскую действительность на нижних уровнях житейского социалистического бытия: «справедливого и счастливого тру- дового общества». В эту минуту в его голову пришла странная мысль: «...Почему это вдруг Герои соцтруда в ко- стюмах и при галстуках сидят поголовно все по кабинетам, а простой народ

их кормит и поит, одевает и обувает, ишача за копейки, а его за всё это назы- вают ещё и лодырями, разгильдяями, крохоборами, тунеядцами и прочими эпитетами, которые по праву стоило бы навесить тому, кто это говорит?!..».

Погрузившись в раздумья, Иван Ильич, поднялся с кресла и проходя мимо стола, равнодушно посмотрел на тещу, а подойдя к окну, рукой отодвинул плотную штору и стал смотреть вдаль, на зарево. Тоскливо глядя в окно на

пылающее яркими всполохами очаги пожара, вчера ещё родной его фабрики, он тихо постанывал. В эти минуты в душе Побрякушкина мелькали мелочные и никчёмные желания, о которых казалось в такие минуты нормальные люди не думают, ибо мрачного вокруг и так предостаточно было. В голову всё время лезли какие-то тюремные мрачные казематы, где, как он подумал, от- родясь не топят и стоит там вечная сырость, а сырость он физически не мог

переносить. Но тут же неожиданно мысль его понесла далее – туда, за окраину города, где узкой полосой растянулось городское кладбище, ибо, как подумал Побрякушкин: в тюрьме ему не выжить и недели. В то, что затеяла сей- час теща он вообще не верил, считая это за мальчишество, на уровне хулиганства. А вот от того тюремного мрака – это он точно знал – где затхлость, сырость и холод, и что в том подземелье он умрёт, не дождавшись суда: в этом сомнений у Ивана Ильича не возникло ни капли. Из всего этого выходит, что привезут его под покровом ночи из тюрьмы в кузове машины, вкинут как со- баку в промёрзлую насквозь могилу, закидают мёрзлыми комками земли, на прощанье высморкаются и сплюнут ржавый сгусток никотиновой слизи на могильный бугорок, выматерятся пошло, что пришлось валандаться с ним по такой паршивой погоде и положив на плечи лопаты, копачи могил удалятся...

– Ну вот и готово!.. – услышал Иван Ильич за своей спиной, отчего он сильно вздрогнул и даже подпрыгнул, подумав, что это сказали те самые могильщици-копачи. А это оказывается, прервав его размышления, сказала, с удовлетворительной ноткой в голосе, теща; поглаживая ладошкой по щеке

стороне одного из паспортов, второй – оригинал – она отложила в сторону, в общую стопку документов, а сверху положила на паспорт ножницы.

– Покойник был на четыре года старше вас, Иван Ильич, – стала пояснять Инесса Остаповна, – разница вроде бы не существенная, но я это говорю к тому, чтобы вы помнили с этого дня не только свою новую фамилию, имя и отчество, но и год своего рождения... Бог не выдаст – свинья не съест!.. Вам,

Иван Ильич, какая в том разница под каким именем и фамилией ходить и жить?.. лишь бы эта жизнь была, а точнее соответствовала человеческой.

Кстати, вы же не станете отрицать того, что евреи, становясь поданными другого государства очень часто, особенно, что касается России, брали другие

имена и фамилии, часто оставляя при этом своё родное отчество, и от этого они беднее не становились, а даже наоборот, новая фамилия способствовала их обогащению...

– По-моему, это довольно глупая затея, Инесса Остаповна... какие-то шпионские игры. Я, вообще-то, по правде сказать, евреем себя не считаю!..

– Ну, это как сказать!.. Я извиняюсь, дорогой Иван Ильич, я или ослышалась, или вы решили всё-таки похлепать арестантской баланды... – я так понимаю?!.. Тогда чего торчите там у окна?.. Давно пора сидеть на работе, в своём родном кабинете и по телефону выслушивать соболезнования, ну и всё

остальное, что обычно бывает в подобных случаях.

Между тем, пока теща перекрещивала зятя под другим именем и собирала в дальнюю дорогу, советуя ему из столицы сразу отправляться подальше и лучше всего куда-нибудь на юг или в район Средней Азии и там затаиться,

прижиться, и пересидеть следственно-судебный ураган, который не заставит себя долго ждать, чтобы разразиться. А в это самое время, на огромной территории фабрики, вместе с пожарниками, тот самый фабричный народ, а в

большинстве это были женщины – насмерть бился с огнём, пытаясь отстоять и уберечь социалистическую собственность. Горел тот самый скандальный

склад готовой продукции, рядом с ним полыхал красильный цех, чуть в стороне, взрывами и удушающей химической вонью скворчал, как сало на раскалённой сковородке, склад лакокрасочных материалов. Горели пристройки и ещё горело, сам чёрт не поймёт, где и что. Впоследствии, при следствии, будет установлено не менее пяти точек возгораний, которые говорили о явном, умышленном поджоге – преступлении. Во время тушения пожара, погиб один из пожарников, бежавший по крыше склада и таща за собой рукав бранд-

спойта: к несчастью, провалился и упал во внутрь, где и сгорел заживо. После, когда огонь уже был локализован, было обнаружено ещё два сгоревших человеческих останков. Один погибший – это было точно установлено – являлся сторожем, который, по предположению и заключению экспертов, сгорел, так и не проснувшись, от чрезмерного объёма, накануне выпитого спиртного, а вот второй оказался под вопросом, не исключено, кто и совершал поджог. Но и само исчезновение директора Побрякушкина, тоже для всех оставалось

пока что неразрешимой загадкой. Вся беда заключалась в том, что следствие в конце концов запуталось в выяснении, – куда подевался сам руководитель,

и по сути, хозяин фабрики?!.. Имелось много свидетелей, которые утверждали, что лично видели, как директор Побрякушкин бежал в руках с багром; другие же говорили, что в руке у него было ведро, а третьи вообще утвер-

ждали, что он охапками вытаскивал из склада пачки упакованных колготков и ещё матерился в адрес сторожа, который куда-то в это время запропастился, а он оказывается, уже сгорел к этому времени. А вот, к примеру, Екатерина Сорокина, убедительно рассказывала следователю следующее, – что своими глазами видела, как вслед за пожарником по крыше бежал Иван Ильич, и когда крыша провалилась, он вместе с пожарником упал вниз, объятый пламенем. Но почему-то останки пожарника и неизвестной погибшей личности находились в разных сгоревших зданиях. Пытались установить личность директора по челюстно-зубным останкам, но зубы, как выяснилось, оказались все у него целые, что и подтвердили родственники и стоматологи, ибо он к ним не обращался. По росту тоже не установишь, ибо, когда человек сгорает до состояния кочерыжки, он весь скрючивается и коротышом становится. В конечном счёте неустановленную погибшую личность приписали, в качестве возможной версии, к личности директора фабрики – товарища Побрякушкина Ивана Ильича. Поставили жирную точку, почесали затылок и после чего активно, и по-быстрому, пока никто никуда опять не пропал, принялись рассуждать по камерам предварительного заключения всё остальное руководство предприятия. Фабрика «Красный вымпел» и в ближайшей округе вся лёгкая промышленность погрузились в затяжной траур. Но эти все события нас уже мало интересуют и произойдут они в последующие месяцы, начавшись сразу через три дня после тушения пожара, а сейчас ещё пожар пока что только разгорается, набирая силу. Над городом стоит предутренний сумрак: улицы, закоулки и подъезды домов затянуты плотным дымом пожара, со всех сторон несёт невыносимой удушающей вонью сгоревших тряпок и кра-

сок. А в это самое время, по ночной городской улице: хлопотливо, стараясь прижиматься ближе к стенам фасадных зданий, периодами покрутив головой во все стороны, после чего опустив её подбородком донизу, снующей походкой торопливо шёл человек. Со стороны, если глядеть – крайне подозрительная личность – и, если бы, да в эту самую минуту, да навстречу Гэпэу ненароком вдруг шло, то ещё неизвестно, чем бы могло всё закон-

читься, не исключено, что пришлось бы нам, дорогой наш читатель, и свой рассказ нам на этом заканчивать. Но Гэпэу, к счастью, не повстречалось, и подозрительный гражданин, с чемоданом в руке, второй рукой он придерживал ляжку рюкзака за спиной, продолжал всё шагать, торопясь, в сторону железнодорожного вокзала. На голове мохнатая шапка, вероятней всего из енотовидной собаки, на плечах длиннополое, ниже колен, драповое пальто с каракулевым воротником, а вокруг шеи в два оборота обмо-

тан шерстяной шарф, который скрывал нижнюю часть лица, напоминая нам личность Остапа Бендера.

Январское утро только наклонилось, собравшись в ближайшие пару часов порадовать жителей ткацкого городка крепеньким морозцем на восходе

солнца. В обычные дни, в это время суток город ещё спит и улицы пустынные, но только не сегодня. Проходя мимо стоящих у подъезда старух, Иван Ильич услышал в свой адрес, как одна из них сказала: «...На город бяда навалилась, а эти, всякие подозрительные, нищелюбы, всё шляются и шляются по подъездам, да в окна заглядывают, потом с вешалок бяльё пропадает, того и гляди, в квартиру залезут... – а то и придурчат...».

подавив незаслуженную в свой адрес обиду в душе, ещё больше пригнув голову, так, что подбородок упирался и давил ему в грудь, скользя по намёрзшей наледи, Иван Ильич, теперь уже с паспортом в кармане на имя Геннадия Антоновича Куцанкова, спешил быстрее добраться до вокзала и молил бога,

чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых. О Гэпэу он почему-то не думал, а насчёт знакомых, опасения его были напрасны, по причине того, что все, кто хорошо его знал, сейчас находились в районе фабрики и принимали по-настоящему активное участие в тушении пожара. До вокзала было идти немногим более километра, поэтому, если отсчитывать с той минуты, как он покинул квартиру, уже спустя час и двадцать минут Побрякушкин тархтел в электричке в сторону Москвы, а спустя ещё пару часов, уже ехал в плацкартном вагоне, забившись в угол в одном из поездов, который следовал в южном направлении. Поезд следовал до Новороссийска. И билет Иван Ильич брал до конечной, но в пути неожиданно передумал ехать в Новороссийск, и на всякий случай, решил, подзапутать свои следы в самом начале своих странствий. Поезд до Новороссийска был третьеразрядным: останавливался на каждой станции, подолгу стоял загружаясь и выгружая почту, а когда при-

были в Ростов-на-Дону, товарищ Побрякушкин-Куцанков, первые пять минут стоянки сидел у окна и смотрел задумчиво на перрон, где сновал народ, а

почтовики катали тележки с посылками. Вдруг беглец резко поднялся, надел пальто, водрузил на голову шапку, обмотал шею и подбородок шарфом, стащил с верхней полки свой чемодан и рюкзак, и спустя минуту вышел на перрон. Стоявшая у вагонных дверей проводница вначале с удивлением посмот-

рела на этого странного пассажира, ибо за время пути она уже успела запомнить, кто и куда следует и, кто и чего из себя представляет. Как бы спохватившись, уже в спину удаляющемуся Побрякушкину что-то спросила, но он, то ли не расслышал, то ли не желая отвечать, не удостоив её ответом и не оборачиваясь, скорым шагом направился в сторону наземного перехода.

Ростов встретил новоявленного странника большими мокрыми хлопьями снега, который с неба сыпал ему прямо в лицо: залепляя глаза, щекоча

ноздри и щёки. Гендош Куцанков шёл сам не зная куда. Выйдя на обратную сторону здания вокзала, в нерешительности остановился и стал осматривать обширную привокзальную площадь, где на той её стороне стояли магазинчики и располагались троллейбусная и трамвайная остановки. Это и привлекло его внимание, куда он и направился, а не доходя до остановки, остановился напротив доски объявлений. Бегло пробежав взглядом по объявлениям – предприятия его не интересовали – туда, пока что ему лучше не соваться, при этом вдруг в сознании словно молния ударила, вспомнил, что кроме чужого паспорта, нет у него иных документов: ни удостоверения офи-

цера запаса, ни диплома об окончании академии текстильной промышленности, как и партийный билет с профсоюзным тоже остались дома, а возможно, подумал он, их уже и в природе не существует. В памяти всплыла та роковая ночь и стопка оставшихся на столе документов, на которые тёща положила ножницы... Вернувшись к действительно-

сти, обратил внимание на частные объявления: они расклеены были на рядом стоящем столбе и на стене при-

стройки магазина. Стал вчитываться. На одном из них задержал своё внимание. «... Сдаётся койко-место, недорого, район зоопарка, улица...». Подумав, и сделав вывод, что зоопарк, скорее всего расположен где-то на окраине города, а значит, там безлюдно: и это как раз то, что ему необходимо. Осталось узнать: как ему добраться туда. Спросить решил у кондукторши троллейбуса, на что та ответила: «Езжайте, гражданин, на этом маршруте до Старого базара, а там пересядите на автобус, следующий до зоопарка...».

Громко и чётко, с неприятным для слуха тарахтением и режущим сознание звуком, с не поддающимся воле и желаниям души, пробряцали кости в сомкнутых ладонях Судьбы, а вслед, на голый стол, она бросила те самые кости. Выпало: на одной костяшке – шесть – односторонний «баян», а вторая часть – пустышка, «голый». Судьба в очередной раз, глядя из-под лоба на гражданина, Побрякушкина Ивана Ильича, и насмехаясь над своим творением природы, не торопясь, сталкивала его в болотную топь и радостно хлопала в ладоши...

Жизнь взаимы.

Покидая свою родную квартиру, которую ему всего-то пять лет назад, как бы в подарок – партком, профком, завком и руководство фабрики – преподнесло на блюдечке, Иван Ильич взял с собой денег лишь столько, сколько нашлось в доме. Своих было – всего сто пятьдесят рублей. К этой полторы

сотне, Инесса Остаповна, расщедрившись, пожертвовала свои пятьдесят рублей. Вообще-то деньги были и было их не так уж и мало; Иван Ильич даже понятия не имел сколько всего сберегательных книжек и в каком количестве на их счетах лежат капиталы. Но сейчас ночь и взять их оттуда не представляется возможным. Уговорились, что, прибыв в определённое место, Иван Ильич

пришлёт из того города поздравительную открытку без обратного адреса и лишь подпишется просто – «Машей». После чего Инесса Остаповна или его жена Фаина отсылают ему денежный перевод на Главпочтамт, до-востребования, на имя Куцанкова Геннадия. На том и порешили. И вот теперь, сняв

частную квартиру, а точнее угол, тихонечко прожив месяц, прикидываясь немощным и больным человеком, прибывшим в эти края поправить здоровье на лечение к знахарке, а так как деньги подходили к концу, пришлось отправляться в центр города, на главпочту и отправлять открытку. Проигнорировав инструкцию и напутствие, которое выдала ему тёща в дорогу, и крайне нуждаясь в деньгах, Иван Ильич, на той самой открытке, где указывается обратный адрес так и написал – «Ростов-на-Дону, Главпочтамт, до-востребования, Куцанкову Геннадию Антоновичу». При этом подумал: «Ерундой тёща страдает, придумала какую-то Машу, да Куцанковых Гендошей в стране – сотни, а может быть, и тысячи... Так, надёжней-то будет...».

Спустя несколько дней он регулярно стал посещать главпочтамт в ожидании денежного перевода. Советская почта работала на совесть, в чём и пришлось лишний раз убедиться Ивану Ильичу. Где-то на день двенадцатый, когда ему в очередной раз по предъявлению паспорта, сидящая за стеклом де-вушка в окошко положила на прилавок ту самую открытку, а сверху, возвращая его паспорт, сказала: «Гражданин, к сожалению, такого адресата не существует...». Иван Ильич поначалу вспылал, крикнув в ответ, не дослушав:

«Куда бы он делся?! То ваша почта его не нашла!..», но девушка уже захлопнула в окошке форточку. На открытке бумажная сопроводительная наклейка, всё в штампах, и косая надпись – «Адресат выбыл». В недоумении, Иван

Ильич, немного отойдя в сторону, всё вертел в руках ту открытку, рассматривая её со всех сторон, будто бы ему всучили фальшивую денежную купюру. В мысли закрадывались всякие грязные подозрения и первой была... «Быстро сработало жидовское племя!.. – подумал отщепенец по неволе, почесав затылок, – выпроводила тёща, как на курорт, и тут же обули, одели, обрядили в тряпье старца, приказав дальше жить, как придётся... Теперь я последний по-прошайка из подворотни... Видимо, решили, распрощаться со мной раз и навсегда!..». Где-то глубоко в душе не хотелось верить в этот кошмар и такой кощунственный ответ. «А вдруг, – подумал он, – почта, и правда, сама что-то напутала. Пошлю-ка я на всякий случай ещё одну открытку, выбора-то у меня всё равно нету...». Спустя две недели, в одно из очередных посещений, ему вручили точно такое же послание, уведомляя об отсутствии адресата. Не-

много очухавшись от нового потрясения, новоявленный на свет божий Куцанков Гендош, только теперь и сейчас до конца осознал, что такое человек бездомный: один, как перст, и уже ни копейки в кармане. Положение и впрямь было аховское: не имея не только работы, но и страх её заиметь, ибо преследовало упорное чувство, в вероятности его разоблачения, как человека, который выдаёт себя за другую личность. Всё это могло обнаружиться совсем случайно, достаточно неожиданно встретиться со знакомым человеком и сгорить, как щепотка пороха, брошенная в костёр.

В ту ночь Гендошу снились кошмары. И снится ему, что будто бы он прибыл домой, в свой родной городишко Суконный. Идёт это он с вокзала и уже налегке и без всяких вещей, почему-то с пустыми руками, но, как и тогда, в тот ранний утренний час, когда покидал городишко: торопится и всё время

почему-то оглядывается. Кажется, ему, что за ним следят и сыщик идёт по пятам. Заходит он в свой родной подъезд, и поднявшись на третий этаж, входит в распахнутую, неизвестно почему, дверь своей квартиры, словно умер кто-

то. «Ненароком, тёща преставилась?!..» – подумал он. Вот он заходит в свою супружескую спальню и озадаченный замирает на пороге: «Да тут не до похорон, – тихо, одними губами, произнёс бывший директор и король трикотажа, товарищ Побрякушкин, – здесь происходит любовная оргия!.. прямо развратный садизм!..». На его широком и роскошном супружеском ложе, из-под

плеча волосатого, будто орангутанг, мужика, выглядывает красивая мордашка его родной и любимой жены Фаины, которая, мигая своими огромными ресницами, смотрит на него невинными глазками и говорит своим властным и таким милым голосом, обращаясь к своему любовнику-авангардисту:

– Хватит, вынимай уже его, довольно колдобасить... – а то на нас муж смотрит, глаза выпул, того и гляди, нас обоих сглазит!..

Окна в квартире зашторены наглухо, в комнате стоит полумрак, а законный муж, как отрезанный ломоть, стоит, почитай, у самых ног: до кучи слепившейся парочки, и единственно чего в этот момент не хватает для полноты картины трагизма, так это свечки в руках у Ивана Ильича. Но он продолжает, будто парализованный, стоять на пороге спальни и глуповато смотреть на тот садизм, который, этот извращенец, со звериной пылкостью продолжает совершать свой чудовищный акт над его обожаемой Фаиной. Разумеется, положение и сама позиция выглядят весьма неудобной и непристойной, но выяснять отношения – это ниже всяких понятий для Ивана Ильича. В голове стучит и сверлит одна и та же мысль: «... Хотя бы денег дали, платить за квартиру-то нечем. Старуха не сегодня завтра выставит за дверь, и жрать – хоть зубы на

полку, шаром покати. Остальное – бог с ним, пусть уже тешатся... Денег бы надо выпросить...». Но в то же мгновение, тот самый «орангутанг», который всё это время измывался над красивым телом его жены Фаины, вдруг поворачивает свою рожу в его сторону. И что

он видит?!.. Клыкастая пасть, рыло дикого кабана-вепря!.. Но уже в следующее мгновение оно превратилось в козлиную морду. А, может, это сам Сатана?!..

От такого непотребства и бесстыжего безобразия, представшего его глазам, Иван Ильич, испугавшись во сне, вскрикнул и проснулся. Какое-то время лежал с открытыми глазами, уставившись в кромешной темноте в потолок, тяжело дышал, переваривая внутри себя мерзостное наваждение сна, но вскоре снова уснул. И стоило ему вновь уснуть, как ночные кошмары возобновились, только на этот раз стала сниться тёща, Инесса Остаповна. Сидит

будто бы он в одних трусах на стулке за обеденным столом: жрать хочется, даже поджилки трясутся и под брюшиной сосёт, урчит и болит живот. Но

стол, непонятно по какой причине, голый, как будто бы лёд на замёрзшей речке, и даже солянки на нём не видать. А в эту самую минуту, выпячивая морщинистый оголённый бюст и вывалив наружу обвисшие старческие груди, к нему на колени лезет Инесса Остаповна, похлопывая одной ладошкой себя по попе. Ему бы чего-нибудь пожрать, а не до плотских утех, да ещё со старухами. Мама родная!.. а глянь на её шею и на грудь!.. бедная тёща, и она туда же!.. Вызывая брезгливое чувство до отвращения, в глаза Ивана Ильича бросается сморщенная кожа, как шкура земляной жабы, но

зато на массивной золотой цепочке сияет диадема музейной редкости, под которой в глаза лезут её прыщи, как наклюнувшиеся гнойниками грибы-поганки: на грудях, плечах, на загривке, до самых ушных раковин. Смотреть омерзительно!.. Появляется желание взгляд отвести, но он не в состоянии

сделать это... А Инесса Остаповна всё лыбится. Вот она уже уселась на его голые коленки и принявшись хохотать, одной рукой полезла к его мужскому

причинному месту, неожиданно крикнув: «Оп-ля!..», одним мановением руки и Иван Ильич уже без трусов на стулке сидит, словно на скамейке в городской бане, а тёща у него перед носом его же трусами помахивая и захлёбываясь

смехом, прямо ему в лицо, кричит:

– Я ведь тебе, зятёк, давно говорила, чтобы не связывался ты с польскими евреями. Собрал там у себя на фабрике это польско-жидовское панство Пщешинских, притащил бы на фабрику ещё и всяких китайских «хунвейбинских»: они-то тебя до тюрьмы токо и могут довести, а надо было их всех

давно под гребёнку, да за задницу, да по каталажкам рассажать! Наши домо-рощенные Абрашки всегда этим способом пользовались... А, ты?!.. Что сделал ты?!.. Пошёл не той дорогой!.. Теперь у тебя притоны, жетоны, картишки да падшие женщины на уме?!.. даже вот сейчас от меня нос воротить!.. Педагоги и адвокаты теперь тебе уже ни к чему?!.. Сгинь, нечистая сила, из моих глаз долой! ничтожество ты подлое, коль брезгуешь ты мной!..

Иван Ильич, встрепенувшись, снова проснулся. Всеми частями тела дёрнулся на кровати так, что чуть было не свалился с узкой солдатской постели.

Сел, спустив ноги на холодный пол. В комнатухе колотун – холодрыга, ибо старуха протапливала печь только с вечера; и тот кусок печной грубы, что выполнял роль перегородки, обогрел этот чулан постольку-поскольку, даже

со рта пар было видно. Напялив на плечи – без пододеяльника – замызганное солдатское одеяло и продолжая так сидеть, будто бы в вытрезвителе; раскачиваясь туловищем взад-вперёд, осмысливал увиденных подряд два сна.

Волнующая, любовная сцена, увиденная во сне, приносила Ивану Ильичу невыносимые страдания. Воображение продолжало дорисовывать то, чего и во сне не привидится, а тот гадкий, мерзкий тип – художник-орангутанг – теперь в утренних сумерках комнаты выглядел расплывчато и в дымке, но будто восставший из небытия, из потустороннего мира теней, или вепрь из Беловеж-

ской пуши. Наваждение сменяло одну пикантную, развратную сцену другой и всё это приводило страдальца в бешенство, после чего он начинал вести разговор сам с собой. А в это время – по ту сторону двери – приплюснув к ней и прижавшись ухом, стояла хозяйка, старуха: скряга и злая, как окатившаяся

сука возле щенят. Стояла будто приклеилась к дверям, замерев, вслушиваясь в бормотанье постояльца: «... Не женщина, а прямо рептилия какая-то в образе похотливой жабы – неизвестной науке породы!.. – громко, на всю комнату, продолжал ругаться Иван Ильич, – бесстыжая похотливая тварь!..

Разлеглась это она, вывалив наружу всё своё естество!.. позирует это она своему художнику, орангутангу... Лежит себе, красуясь телесами, изображает Данаю!.. куда тебе до неё! Ты худая, как щука и чёрная будто от цыгана нагуляна, прямо кобылячей породы!.. Удавить бы обоих на одной верёвке!..».

Так не заметил, как за окном наступил поздний зимний рассвет, а его ругательные причитания были прерваны стуком в дверь, после которого, не дождавшись ответа, дверь проскрипела и вошла хозяйка домовладения Пелагея Макаровна.

Застыв на пороге, включила в комнатухе свет, после чего подозрительно стала вглядываться в Ивана Ильича. Пропрямкав узкими полосками сморщенных губ и беззубым ртом, спросила:

– Ты, Гена, не заболел ли случайно?.. Всю ночь – то кричишь, то что-то бормочешь...

– Здоров я, Пелагея Макаровна, здоров!.. Здоровее бывают только на кладбище...

– Ну-у... – раз здоров и то хорошо. Я вот чего зашла... Уже вторая неделя пошла с того дня, как за квартиру надо бы заплатить... Пенсия у меня всего пятьдесят два рубля, сильно не разживёшься, а мне ещё в том году было восемьдесят, того и гляди, господь к себе призвёт, а я всё не могу собрать на по-

жертвования храму. Чего молчишь-то, Геннадий?.. Я смотрю у тебя и на столе только мышам потрапезничать. Что?.. из дома денег не шлют?..

– Не шлют. И слать-то уже не кому... Выгнали там уже меня, как паршивую собаку выгнали, и замену нашли...

– Вот беда-то, коль не врешь!..

– Какой смысл мне вам врать? Мне впору в тот самый храм, о котором вы упомянули, сходить и перед кончиной своей попросить отпущения грехов, или как там у вас с этим всё обстоит?..

– Ну так мне-то, что от этого, за квартиру платить, чем будешь?!..

– Возьмите вещами. Вон под кроватью чемодан, что выберете на свой вкус, то и заберите.

– А зачем они мне твои вещи?.. Они мне ни к чему. Ты вот в таком случае возьми их, да в субботу или в воскресенье и снеси на-продаж, когда толкучка особо шумит, отнеси их на Старый базар, там в районе переулка Семашко и в округе его, в сторону Дона, пристроись где-то и продашь, а мне за квартиру заплатишь, иначе мне надо пускать к себе другого постояльца. Я бы, может, и потерпела бы, если бы вторую кровать где было поставить, а так... придётся, Гена, тебе другое место искать. Может, тебе в примачки к какой-нибудь вдове пристать?.. а?.. Сегодня чистый четверг, вот через день и отправляйся на толкучку.

– Хорошо, Пелагея Макаровна, я последую вашему совету и поступлю

именно так, – сказал хриплым голосом Гендош Куцанков и улёгся на кровать, свернувшись в одеяле калачиком. Старуха ещё какое-то время торчала, вглядываясь в постояльца, но поняв, что тот не желает больше вести с ней беседу, тихо удалилась за дверь. Провалившись чуть ли не до обеда в кровати, Куцанков-Побрякушкин, не выдержав вынужденной голодовки, поднялся, голодным взглядом оглядел пустующий стол, на котором стояла килограммовая

пачка соли, а рядом лежало полбулки серого, чёрствого, уже заплесневевшего хлеба и четверть пачки грузинского байхового чая. Это всё, что имелось съестного в наличии. Иван оделся, взял со стола наручные часы, повертел их в руках, взвешивая на ладони, будто бы оценивая на вес и на сколько они потянут; сунув их в карман, покинул свою конуру. Направляясь в сторону города: конкретного плана – что делать и куда идти – у него не было. Брёл, куда ноги несли, при этом полностью углубившись в себя, думал горькую думу. В конце измучившись от такой собачьей жизни, сказал сам себе, что, если в

ближайшие несколько дней не найдёт себе пристанища, ибо, как стало ему понятно: хоть и зима, старуха всё равно выставит его за дверь, а значит, не

стоит ожидать пока заявится участковый, а необходимо искать новый куток и способ добычи хотя бы какого-то куска хлеба. Не подыхать же ему от голода и холода на одной из городских улиц, или в подъезде многоквартирного дома, откуда скорее всего выгонят или отправят в милицию. А, значит, – подумал Побрякушкин, бывший директор носочно-чулочной ткацкой фабрики

«Красный вымпел», – выход у него один, и выход такой: зайдёт он в первое попавшееся на пути отделение милиции и напишет покаяние – явку с повинной. Лучше в тюрьме сидеть в относительном тепле и давиться похлёбкой, которую, он не мог понять почему, называют баландой, чем так мучиться,

пока не протянешь ноги...

Осуществить явку с повинной в милицию в ближайшее время ему было не суждено. На пути, нашего без вины виноватого страдальца, ожидали его не менее интересные «забавы», которые в какой-то мере немного сместят его

тот жизненный маршрут, проложенный на карте судьбы... Спросите, – кем?.. А хрен его знает, кем!.. Об этом, вероятней всего, даже сам господь бог вряд ли знает...

Вскоре Иван Ильич пересёк железнодорожное полотно, направляясь в сторону Рабочего городка, в обиходе жителей чаще употреблялось старое название этого района – Нахаловка. В районе Комсомольской площади, немного в стороне, в парковой зоне, располагалась пивнушка, подобных которой по городу имелась целая сеть. В ней Иван Ильич бывал уже не раз, ещё в самом начале своего обитания в этих местах и когда ещё деньги водились. Сейчас он шёл туда без копейки в кармане, надеясь не столько на-выпить, как, хотя

бы что-то съесть, или даже доесть после кого-то. Там уже, как получится. Забегаловка встретила Геннадия Куцанкова своим привычным, чисто про-

фессиональным для подобных заведений гомоном пьяных мужских голосов с примесью смачного изошрённого мата. Окинув беглым взглядом зал и высмотрев один из столов, вероятно, только что покинутый посетителями, но не убраным ещё посудомойкой, скорым шагом направляясь в сторону запричеченного стола и размахивая руками, изображал человека, который что-то по рассеянности забыл. Стол был заставлен пивными пустыми кружками,

среди которых несколько штук были недопиты; лежали куски и очистки какой-то вяленой рыбы, плавленые сырки, куски хлеба и остальные объедки застолья. Бухнувшись на стулку за стол и продолжая у себя над головой вертеть кистью руки, словно доказывая кому-то, что-то, второй рукой подгрёб к себе недопитые кружки, посливал их в одну и тут же оперативно отсортировал

объедки на столе. Рядом сидящий за соседним столом мужик, пьяно наблюдая за его действиями и уставившись на него, заплетающимся языком, спросил:

– Ты, корифан, кто будешь?.. Чёт я тебя до этого за этим столом не зырил!.. Или ты посла Яфому и Костылю на хвост упал?..

– Да, да... я после, они сказали, что скоро вернутся...

– А-а... понял... На-понял, шкурку тянуть на самый конец не буду, последней

падлой буду... Жорика из Караганды... нет, из Баку, кажется, пошли прово- дить?.. а ты чё, отстал?..

– Сказали без меня проводят...

– Слушай, чё-то не въеду, ты кто будешь?.. убей, не помню!.. Погоняло твоё как?..

Иван Ильич соображал быстро. Если он сейчас, сию минуту не придумает себе кличку, этот тип от него так не отстанет и может так получиться, что вы- зовут наряд милиции, а вот этого как раз больше всего и нежелательно.

Нагнув над столом голову и продолжая поедать объедки, запивая их пивом, не глядя в сторону собеседника, который уже придвинул свой стул вплотную к нему, сказал, сквозь полный рот:

– Куцым меня зови, или Гендошем. Будет правильно и так, и этак...

– Чё, с кичи откинулся недавно?..

– Да как сказать... в этих краях всего пару месяцев.

– Кантуешься, где?..

– Недалеко от зоопарка.

– Это, случаем, не у Муньки самогонщицы шконку арендуешь?..

– Нет, у старухи одной...

– Так и Мунька за молодую не канают: туда-сюда уже давно за полтинник пе- ревалило, но к бахарям липнет, липнет, сука! как чирей на жопу, хрен отде- рёшь!..

– Не, у меня старуха, ей уже все восемьдесят... И та, считай, уже меня вы- гнала, хоть и зима на дворе!..

– Ну, не пзди, корифан, раз Фома под крылышко взял, будь здоров и не каш- ляй!..

– Да куда меня никто не брал!.. – в отчаяньи, уже не контролируя свои слова, сказал с жаром Иван, – всё это пустой трёп, ты уж извини, мужик, от чи- стого сердца скажу, вот щас допью это пиво, – чужое!.. доем то, что не доели, чтобы на пустой желу- док не сдыхать!.. пойду... короче, не знаю, может, под

первую попавшую машину брошусь, или под поезд... как получится.

– Не гони коней, кореш!.. Двинуть коней всегда успеешь!.. Куцым, говоришь, пого- няют?!.. Я, тронут до корней волос твоим откровением!.. Всё будет на мази, сказал же, раска- тать себя по асфальту всегда успеешь, а припозд-

нишься, другие за тебя это сделают... Покрепче чего-нибудь выпить хочешь?

– Угостишь, не откажусь, только бы загрызть что-нибудь, я уже больше не- дели на голод- ном пайке.

– Щас организуем!.. Худудут, я твою маму!.. ты уже, падла, спать за столом, надумал!.. – повернувшись в сторону своего стола, крикнул мужик, – а ну от- рывай свою задницу и на цырлах к прилавку!.. притащи нам с корифаном бу- тылку коньяка, колбаски и пусть Галка сама придумает, чем нам зажрать,

скажи, расплачусь, когда уходить буду, отдам с процентами... въехал?.. Щас мы будем из моего нового дружбана вместо покойника делать... как ты ска- зал, твоё погоняло?.. а, вспомнил!.. – Гандошка!.. Ну, это брат, как-то не со- лидно, и кому только взбрело в голову таким погонялом тебя наделить!..

Мужик уже повернулся всем корпусом в Геннадию, и растянув рот до ушей, блестя сталь- ными коронками передних зубов, протянув руку, дополнил:

– Моя вам с кисточкой... Харитон, но можешь звать Бовой. Я, тронут до са- мого коп- чика твоей бедой, но скажу тебе без подлянки, хотя ты и не экспонат и ещё не покойник, ты чё-то темнишь, потому что из-за такой хрени под по- езда не бросаются. Ну, лады, то твой на жопу чирей, щас долбанём, как сле- дует, а то пока с тобой базарил, всё нахрен из головы выветрилось...

Иван Ильич тем временем уже прекратил доедать на столе остатки еды, сидел пригорюнившийся, измученный и жалкий на вид, униженный этим доеданием объедков и с поникшей душой и всем телом, а о скорбных мыслях в его голове, если бы можно было туда заглянуть, любопытный бы явно пожалел бы об этом. И только первая рюмка коньяка вскоре немного развеет тёмные как мрак его мысли и зажжёт в душе свечу, чтобы жизнь до конца не истекла. К действительности его вернул голос всё того же Харитона:

– Чего шары выкатил на ту бутылку?.. не пялься на неё, а открывай и наливай!.. И начнём мы с тобой, Гандошка, у нас новую жизнь. А про поезда ты забудь, как про вчерашний день – не будь жлобом, нахрен они тебе сдались!..

Харитон умолк, обернулся и, посмотрев на своих товарищей за столом, с недовольной ноткой в голосе, продолжил:

– Что-то у нас как-то стрёмно и скукота, будто у нас где-то на кладбище, где всегда похоронное настроение у всех. Худудут!.. грёбаный, деляга!.. чего расселся и язык свой сосёшь?!.. подойди к нашему новому члену общества,

протяни ему лапу и представься, как это и положено... или рылом не вышел?..

– А стопарь коньячку плеснёшь?.. – спросил длинный, худой и рыжий как хвост лисицы парень.

– Балалайку тебе, а не коньяку, – сказал Бова-Харитон, сверкая во рту стальными фиксами, – ты и на бормотухе проживёшь не хило. Тебе, Худудут, чего не налей – всё не в коня корм, а это нектар из винограда, его люди три года делали, видал, сколько на бутылке звёздочек?!.. Будем считать, Худ, что ты, по запарке, рамсы попутал...

– Да я просто сказал, он мне и нахрен не упал, то клопами отдаёт, к тому же и дорогой, как побрякушка в ювелирке, на те бабки можно три пузыря водяры купить...

– Не возникай, Худудут, не то ты меня выведешь, всю харю разую до самых ушей и рот на жопу натяну, ты же меня знаешь... Глохни, и дай с человеком побазарить!..

– Да я чё, я молчу, я всегда крайний, суёте меня во все дырки. Вон Бэчик спит за столом, а ты, как слепой... – а меня сразу усёк.

– Ша!.. гомноед, а то за пустой базар удавлю! Бэчик вчера три могилы вымахал, а ты, худосочный стилига, только одну с горем пополам, еле душа в теле, доковырял...

– Слушай, Харитон, чего ты в меня взелся?!.. У Бэчика все три могилы трактор хорошо подравнял, а у меня, считай, вручную всю выкопал. Ты упал как кому-то дяде сараю на хвост, ну и парь ему мозги, а я тут при чём?!.. я тут не при делах.

– Насобачился, смотрю!.. гавкать научился, шпана ты ещё беспарточная! Ладно, хрен с тобой, раз умного из себя строишь, завтра я тебя припахая так, что рад будешь улечься рядом в могилу с покойником.

– Замётано, шеф!.. Выплюнь и забудь. Надо пойтить отлить, извиняюсь ни-жайше, – сказал улыбаясь рыжий Худудут и направился к выходу.

Скажи Побрякушкину пол года назад, что вместо руководящего интеллектуального коллектива фабрики его будут окружать вот эти, сейчас сидящие за

столом по кругу личности с пьяными мордами и с похабными выражениями своих мыслей... Во всё, что угодно, поверил бы, но только не в это. И в эту минуту подумав, как раз об этом, Побрякушкин, обводя взглядом по кругу компанию, которая, как он уже предполагал, станет, возможно, уже завтра его соратниками по копке могил на кладбище, и с этого дня, он, окончивший Пром-академию, факультет текстильной промышленности с красным дипломом, приобретёт новую, более значимую на данный момент для себя специальность – гробокопатель!.. – а может быть, правильной – могилокопатель?.. А дальше-то что?!.. А дальше Иван Ильич не стал утруждать себя уничижительными мыслями, по причине выпитого коньяка,

а решил, проще смотреть на жизнь и отдаться воле случая. Компания, в которую его изгнанником при- вёл Величество случай, была довольно пёстрая, но вопреки всему, тому кри- минальному прошлому, личности подобрались работающие: промышляя в

подряде рытья могил и не гнушаясь остальными попутными и случайными заработками. Главенствовал в этой артели, состоящей из шести человек тот

самый Бова Харитон, ранее дважды судимый за мелкие кражи. Первый срок – два года – получил за кражу товара, работая грузчиком в городской торговой сети. По мелкому воровали постоянно, но на тот раз, с пьяных глаз, хапнули много, за что и поплатились. Вторую судимость Харитон приобрёл, как гово- рят, – не отходя от кассы. Только что освобожден, жить надо было на что-то, полез с напарником дачи бомбить, где вскоре приловили их сами хозяева, хо- рошо организовав и устроив облаву. Вначале до полусмерти избили, а после сдали в мен- товку. Бова, имея за плечами две ходки подряд, возомнив себя уже уголовным авторитетом, потому как желание шастать по дачам напрочь отпало, ибо, как он подумал, что там – того и гляди, ненароком, рано или

поздно, но всё равно прибьют. Долго не думал, и решил, легализоваться, ско- лотив бри- гаду шабашников по рытью могил на новом ростовском кладбище, но нижайше, не только под- чинился, а и пресмыкался перед хозяином клад-

бища, которое располагалось в районе Северного жилого массива, а также и его смотря- щих, под вывеской фирмы – «морду подправим».

После коньяка, дальше пили уже вино неизвестного разлива, запивая пи- вом и заедая сигаретой «Прима». Как расставались, Иван Ильич помнил

смутно, и лишь одно хорошо прижилось в его голове, так это, что в понедел- ник надо прибыть на кладбище, а значит, он уже не безработный и сможет не только содержать себя, но и не кидаться под поезд, и не исключено, что оста- нется и дальше жить на квартире у ста- рухи-ведьмы, Макаровны. В тот вечер Гендош Куцанков не помнил, как и на квартиру к бабке добрался, а утром, не успел он очухаться и продрать глаза, как в дверь его чулана старуха просу- нула свою клиновидную голову, очень уж похожую на долгоносика, притом на длинной и тощей шее. После чего принялась читать ему мораль и вгонять ему в голову гвоздик:

– Фу ты!.. перегаром-то-о, как надыш-а-ал!.. У меня и голова-то закружи- лась!..

Сплюнув на-пол, сказала Макаровна и будто бы плюнула в самую душу Ген- дошу, после чего продолжая в том же духе, подобно избяному клопу приня- лась высасывать душу своему постояльцу:

– Значит, тебе, Генка, алкоголику подзаборному, за квартиру платить тебе нечем!.. соба- чья твоя утроба, а глотку заливать есть на что!.. Ну, ну, надо идти уже к участковому... Он тебя, раздолбая этакое, быстро к порядку приведёт...

Последнее время хозяйка стала сильно раздражать Ивана Ильича. Сейчас у него с похме- лья, нестерпимо болела голова и старуху он даже не слушал, – о чём она там трезвонит?.. Про- извольно глядя на её просунутую в приоткрытую

дверь голову, на память ему почему-то пришёл герой из романа Достоев- ского: убивец старушечки Родион Раскольников. При этом воспоминании и продолжая всё глядеть на свою старуху, Макаровну, вначале попытался срав- нить её с той, из романа, но так и не вспомнив, какая та из себя была, поду- мал: «Голова-то у этой, на её длинной и тон- кой шее, уж сильно топор напо- минает, которым, Родион, ту бабку свою ухайдокал, а вообще- то правильно и сделал, в старости они невыносимые все становятся...».

– Ты чево молчишь?!.. – злобно крикнула старуха, – ты, Генка, немым не

прикидывайся!.. – донёсся до сознания Ивана голос старухи, а он тем време- нем отвер- нулся лицом к стенке. Между тем, Макаровна, всем своим сухим и костлявым телом уже пере- ползла через порог и теперь она стояла на светлом просвете дверного полотна, как на картине, напоминая засохший карагач-сак- саул. Откашлявшись, продолжила пилить Ивану нервы.

– Я тебя спрашиваю, ты и дальше глотку будешь свою заливать или за квар-тиру мне заплатишь?!.. а то пойду до участкового, он тебя сразу в люди выве-дет... Чево молчишь, в десятый раз спрашиваю?!.. глухой что-ли?!..

Иван Ильич лежал и смотрел на стенку, которая была вся в клочьях растрё-панной шпале-ры, где сейчас ползали огромные тараканы в поисках съедоб-ного клейстера. Затылком слу-шавшая старуху, в душе накопилась ненависть к ней, а в мыслях появилось навязчивое чувство, а скорее всего желание, что был бы топор под рукой, взял бы грех на душу и рука бы не дрог-нула, повторил бы тот поступок, того несчастного студента семинариста-лицейста, Родиона... Но спустя минуту, продолжая, уставившись в стенку, уже не слушать старуху, мысленно сказал себе: «Зашибись!.. Дожился ты, Побрякушкин!.. Я от ба-

бушки ушёл, я и от милиции сбежал, и от тётки с гулящей женой, тоже!.. От прокурора удалось следы замести, чтобы не посадили на нары за сгоревшую фабрику, так теперь, решил, сесть за убийство старушеницы, притом с особой жестокостью и с отягчающими последствиями; да прямо топором, да прямо по её темени!..».

– Завтра отдам, – не поворачиваясь в её сторону на кровати, сказал Иван, – отнесу вещи на рынок и отдам... успокойтесь, в долгу не останусь... – при этом подумал: «Вот привязалась старая карга, как язва!.. Славный типаж, если по-смотреть со стороны: сцена бабы Яги в гостях у Ивана-царевича не помня-щего родства...». Пока он так думал, а та самая, баба Яга, про-должала в том же духе:

– Соврёшь, Генка, богом клянусь, приведу участкового!.. Ты не думай, что если я оди-нокая и старая, то за меня некому заступиться. Советская власть меня защитит!.. Я, да будешь ты знать, всю свою молодость в колхозе иша-чила, за трудодень!.. И передовой трактористкой была, и на керзоне гектары пахала!..

(Первый трактор в СССР стал выпускаться с 1924 года в Ленин-

граде и назывался он «Форздон-Путиловец», но в народе произносили иначе, кто как выговорит, чаще называя его «керзоном», ибо было с чем поста-вить рядом: крупа – кирза, сапоги – кирзовые и так далее) А, ты щас растя-нулся на всю мою кровать и весь дом мне своей блевотиной провонял, что и

собака бы не выдержала, а я терплю!.. Чё морду, сатрап, к стенке воро-тишь?!.. Сказать нечего?!.. Правду слушать не нравится? Вот, изверг!.. – что б ты обдулся, пропивая мои деньги за квартиру!..

«Вот, привязалась, бестия!.. – подумал Иван, – словно в том мультике про Леопольда, даже в голове стали слова звучать, – Леопольд, подлый трус, вы-ходи... отдай за квартиру деньги!..».

В субботу, перелопатив свои вещи в рюкзаке и чемодане, Гендош Куцанков уже с чемо-даном в руках – будто собрался в дальнюю дорогу – отправляясь в район Старого базара про-дать излишки своего мужского тряпья и в душе про-должал таить надежду, что как-то всё-таки выпутается он из этого скверного положения. Старый ростовский базар потому и назывался Старым, что лет ему было столько, сколько и самому городу. Жил он своей «узаконенной», обособленной жизнью, минуя всякие чиновничьи циркуляры, процветая эк-

зотической, такой полуподпольной торговой деятельностью, которая боль-шинство постоянных участников торгового процесса вполне устраивала. Тол-кучки-барахолки были в каждом районе города: будь то Сельмаш, Лен-горо-док, Нахичевань или любое другое при-рыночное бойкое место, но кроме Старого базара остальные барахолки постоянно подверга-лись облавам и раз-гону милицией. На Старом базаре – это мероприятие было всегда малоэф-фек-тивно. Торговали барахлом на восточной окраине рынка, по переулку Се-машко и почти до самой набережной по обе стороны проезжей части. Транс-порт на этом отрезке почти

не ездил. На земле были разложены всевозможные товары, будто скатерть самобранка. Торговали всем, чем бог послал: от

булавки, заколки с костяным гребешком ручной работы дореволюционного мастера, до изделий высшего качества холодного оружия или стартового пистолета, переделанного под боевые патроны «мелкашки», а то и «Макарова». Отдельной территорией под названием «пятак» была вотчина барыг: по скупке всего, не гнушаясь вонючих портянок-онучей, которые ещё в Гражданскую войну носил сам маршал и донской казак Семён Будённый. Музейный раритет, – нечего сказать... Повесь в изголовье кровати, на «быльце», и

нюхай всю ночь, вспоминая «героев» Гражданской войны. Ночью явился такой «герой» к тебе во сне, а ты как заорёшь: «Спрашивается, – за какие такие коврижки?! За что вы, сволочи, столько народу сгубили?!..».

Скособочившись, опустив голову и стараясь не глядеть в лица встречаемых прохожих, при этом задумавшись, Иван Ильич тащил свой дорожный чемодан, решив, ещё на квартире у бабки, что и от него он постарается избавиться. На ходу ещё и размышлял о своей падшей судьбе на сегодняшний день, говоря о себе, как о ком-то постороннем, который нагло вклинился в

его размеренную и, до того рокового дня – пожара на фабрике – вполне благополучную жизнь. «Жить в чужой шкуре, не имея прошлого, не ведая предстоящего завтрашнего дня, – и так до конца своей жизни?!..» – спросил «король трикотажа» себя. Осознать всё это полностью, для него было уже не под силу. Распатавшаяся за последние три месяца психика, порой выдавала выкрутасы, которые ранее, как отменному чиновнику-служаке, были для него неприемлемы. Обладая большой эрудицией и логическим мышлением, в последнее время стал замечать за собой, что те духовные ценности, ранее которым придавал огромное значение, медленно, но неуклонно испаряются из его сущности, как таковой, и он, словно лужа на дороге после дождя в жаркую погоду, постепенно исчезает из этого мира. Появившееся презрение к

себе, в отдельные минуты толкало на крайний шаг, который всё чаще стал посягать его сознание, что лучше бы он сел в тюрьму, тогда бы, по крайней мере, меньше бы страдал душевно. Там, в тюрьме, по его мнению, не было

бы свободы, но осталось бы и никуда не делось его прошлое, имеющее для него первостепенное значение, ибо он был не простым работягой, а всё-таки директор крупной фабрики, где работает более пяти тысяч народу. А так, кто он?!.. – человек, которого не существует на свете!.. И как теперь он стал осознавать, что падать с высоты директорского кресла в неизвестность, в болото

бродажной жизни, не только страшно, больно и смертельно опасно, но ещё и гадко, как будто чужой блевотины наелся. Это не спившемуся токаря или

слесарю перевоплотиться в личину павшего на самый низ, на дно, человека, – тем не привыкать, они порой к этому шли не одно десятилетие, а тут в одну ночь, взять, и всё потерять – даже имя своё...

Шакалы.

Добравшись до Старого базара, Иван Ильич всё это время продолжал испытывать в душе свинцовую тяжесть. Подозрительно относясь к каждому встречаемому прохожему, не говоря уже о блюстителях порядка, которые даже

издали вносили в его сознание панику, потому у центрального входа в рынок, он, покрывив головой, выбрал женщину в чёрном рабочем халате, которая

подметала прилегающую к рынку территорию, и подойдя, уважительно к ней обратился: – Будьте любезны, скажите, как мне попасть на переулок Семашко?

– Проходите вон в те ворота и через весь рынок идите к тот конец, там и найдёте свой переулок, – сказала женщина, не поднимая головы и продолжая мести тротуар.

Спустя время он уже шёл по переулку, где справа и слева, по тротуарам и газонам, был расстелен на газетах и шпалере всякий товар, а то и на ветвях деревьев висел. Крутя головой и бегло рассматривая барахолку, на которую ему пришлось попасть впервые, Иван Ильич был поражён обилием и разно- образом ассортимента. Здесь продавалась всякая всячина и именно от этого обилия, внутреннее чувство предсказывало Ивану Ильичу, что выгодно про- дать ему вряд ли удастся, такого тряпья, как у него в чемодане – загнать и втюхать, лоху, поскорее и подороже – здесь предлагалось горы. Устроившись под деревом недалеко от какого-то угла, открыв крышку чемодана, стал рас- кладывать вещи: двое брюк, три сорочки, два полувера, ещё новый, импорт- ного производства, спортивный костюм «Адидас», шарфики, целая под- вязка разноцветных галстуков и остальное по мелочи. Мимо брели сонные прохо- жие-зеваки, мало чем напоминающие покупателей, а он, застыв в ожидании, продолжал надеяться, что кроме ротозеев и вольношатающихся, из числа ко- торых ни одна, сволочь, даже не удостоила взглянуть на его вещи, возможно, где-то там, бредёт на подходе к рынку его потенциальный покупатель, а мо- жет, ещё только направляется в их сторону, выйдя со своего двора. Дело в том, что, Побрякушкин-Куцанков, как мы уже сказали, впервые в своей жизни столкнулся с такой щепетильной профессией, как барыга, торгующий на бара- холке, поэтому уже спустя тридцать минут, ему показалось, что он стоит тут уже не меньше чем полдня, а может, уже и все полгода или и того больше. С каждой минутой в душе всё таяла призрачная надежда, – продать хотя бы

что-то по бросовой цене. В ту минуту, когда он взглянул на ручные часы, ему пришла в голову мысль, – что часы – то! у него уж точно купят, ибо подобных наручных часов в сво- бодной продаже никогда не имелось. Часы дорогие, ко- мандирские – «Полёт»: ценные, притом подарок на его сорокалетие от жены

и тётчи. Рядом с ним, по другую сторону дерева, сгорбившись сидит худосоч- ный ста- ричок на низеньком табурете, перед ним стоит миниатюрный верста- чок, на котором закреп- лены такие же маленькие тисочки, а рядом игрушеч- ная наковальня, на которой он таким же мизерным молоточком что-то всё время выковывает: звонким постукиванием и подобно дятлу. За всё время, как заметил Побрякушкин, старик не удостоил его даже взглядом, хотя, когда Иван Ильич пристраивался с ним рядом для торговли, он поприветствовал

старика, сказав: «Доброе утро, удачи вам в торговле...». Старик промолчал,

словно не слышал, продолжая выковывать непонятно что, а скорее всего, как заметил Побрякушкин, кусок какой-то никчёмной проволоки. «От безделья

страдает старик, на старости лет впадая в детский разум...», – подумал о нём Побрякуш- кин и стёр старика из своей памяти. Как уже упоминалось, что бара- холки-толкучки часто разгонялись милицией. Чем они так не угодили и не нравились власти, которой вообще нико- гда и ничего не нравилось, кроме

своего идиотизма, доподлинно определить сложно. Возможно, хотелось ей, чтобы граж- дане развитого социализма и уже завтрашнего дня – члены комму- нистического общества, вместо барахолки, должны стоять не в этом месте, а на заводах и фабриках, не отходя ни на минуту, возле своих станков и прялок. Но были и иные предположения. К примеру, что какой-то денежный оборот всё-таки тёк тоненьким ручейком мимо загребущих чиновничьих рук; от

этого, мелкую душонку стряпчего и жаба душила. И этого дьяка-стряпчего, по причине его узкого кругозора и элементарной финансово-рыночной безгра- мотности, кроме, конечно, бюрократических инструкций, вовсе ничего не ин- тересовало, что и по чём, кто продаёт, какая историческая ценность данной вещи, за исключением, если «уголовка» в оперативном режиме не отыски- вает следы ворованных тех самых вещей. К примеру, идёшь это ты по тол- кучке

и натыкаешься на обычные, с первого взгляда, настенные часы-ходики, с кукушкой. Для блюстителей порядка – это хлам, которому и место на по- мойке, а ты взял часы в руки, повернул к себе тыльной стороной, а это рари- тет!.. Смотришь, а там оттиск с императорским гербом и год изготовления —

«январь 1885-год», а в самом низу имя мастера «В. М. Сичкин», а может-быть,

«Пичкин», буква подтёрлась, но это не важно. Часам уже почти сто лет, но главное, что в том январе случилась массовая стачка на текстильных фабри- ках Саввы Морозова в Оре- хово-Зуеве. Несчастье, ну, прямь, как у Ивана Иль- ича: и тоже в январе, как и в городе Сукон- ном, во время пожара на его но-

сочно-чулочной трикотажной фабрике, по изготовлению женских колготков. Или к при- меру, ты вдруг взял, и, с какого-то перепугу, не пошёл на толкучку,

а, наоборот, расщедрился, или моча, та, которую надо было слить куда надо, ударила тебе прямо в голову. Полез ты в загашник, нашёл там прабабкино древнее кольцо с бриллиантовым камешком в целых двенадцать карат и, с дуру, потянул его сдавать в подарок государству, ну это – чтобы они быстрее коммунизм достроили. Принёс это ты, подарил, и сидишь в коридоре,

ждёшь, когда эксперты определяют тому колечку ценность и начнут тебя благо- дарить за подарок... – ну и почётную грамоту заодно выпишут. Как бы не так!.. Вместо экспертов в коридор вломилось, уже из входной двери, трое в пого- нах, под рученьки вас это взяли и отвезли вас в одиночную камеру предвари- тельного заключения. С той самой минуты вы проклинали и колечко, и комму- низм заодно, и ту свою прабабку, которая пять раз при этом в гробу перевер- нулась, тархтя там костями. А вам в это время, пристёгнутом ремнями для

пытках на топчане-вертолёте, выкручивали ваши хлипкие, тоненькие ру- ченьки, пытаясь добиться от вас признания: куда остальное добро – в виде зо- лота и бриллиантов – вы спрятали. И сколько бы вы не божились и не кля-

лись, пытаясь им доказать, что это всё, что у вас было, и вы хотели, всего

лишь помочь государству, чтобы оно быстрее коммунизм построило, но ваши слова и доводы, что об стенку горохом... Так что, как бы вот так!.. господа и товарищи коммунисты и беспартийные!.. Лучше ничего не иметь, а тем более не лазить по прабабкиным загашникам, а если что-то случайно и попало

под руки, так дешевле будет для вас сей раритет выбросить на помойку... Барахолка щедростью никогда не славилась, как и на веру не велась, пред-

почитая баш – на баш, ты мне, я тебе и разошлись: жопа об жопу, как в море корабли, но глаз требуется, остро держать. К сожалению – этих правил това- рищ Побрякушкин не знал. Видя, что время идёт, а воз и ныне там, Иван

Ильич, снял с руки часы и положив их на ладонь, согнув руку в локте, и в та- ком поло- жении принял стойку скульптуры из парковой зоны. Первым клю- нул, какой-то прилпатнё- ный и зачуханный парень, шедший в развалку, а засу- нутые руки глубоко в карманы, чуть не до самых его худых коленей, мельте- шили взад – вперёд у него локтями, – странной какой-то выглядела эта по- ходка. Патлатый, небритый, а когда подошёл вплотную к Побрякушкину, от

парня ещё несло душком тухлого яйца-бовтюха: давно немытого тела, и во- обще непонятно какой-то гадостью – подобно помойке. Остановившись, он резко перепрыгнул бордю, одной рукой облокотясь на дерево, второй за- жал ноздрю и высморкался. После этого, шепелявя через дырку в передних зубах, прозужал:

– Глазданин нася-альник, если не за-подло, посём свои котлы двигаес?..

Дай позырить одним г-глазом...

– Тебе-то зачем?.. всё равно не купишь, – грубо ответил Побрякушкин, игно- рируя такого покупателя, и не желая вести дальнейший разговор с этим бро- дягой. Отвернувшись

в сторону старика, Иван Ильич стал наблюдать, как тот всё продолжает ковать что-то на своей наковальне. Но плюгавый мазурик, по-ванивая и смердя почти дохлой кошкой, продолжал за спиной своё нытьё:

– Такой болзый?.. и бакланис не в тему. Делягу из себя не ст-л-рой, а то ге- мол-рой р- ланьше времени називёс!..

– Иди своей дорогой, парень! – сказал Иван Ильич, и подумал: «Вот, дрянь! И привязался же, мурло, забулдыга бездомная... Хотя ведь и я далеко от него не ушёл, тоже бездомный...».

Парень выйдя на проезжую часть улицы, обернувшись, сказал загадочно, с угрозой:

– Расслабься, дядя сал-рай!.. до очел-редной с-свиданки...

После чего пересёк проезжую часть улицы и вскоре скрылся на обратной стороне за углом, но спустя время, из-за того самого угла снова вынырнуло то чудо в перьях, та самая вонючка, но уже в сопровождении двух кавказцев, которые направляясь в сторону Ивана Ильича, размахивая руками, чургыкали на фарси, а может-быть, на одном из разновидностей курдского или турецко-месхинского языка. Подойдя, взяли из рук Побрякушкина часы, спросили:

– Сколько просишь, дарагой?..

– Двадцать рублей – это десятая часть стоимости их, – ответил Иван Ильич.

Ничего не сказав, покупатели, передавая друг другу, из рук в руки, стали крутить часики в руках: рассматривать, прикладывать поочерёдно к ушам и подолгу слушать, стучать зачем-то ногтем по стеклу циферблата, оставалось, как подумалось хозяину часов в эту минуту, попробовать их на нюх и за зуб,

как проверяют обычно золотое изделие. В это время, пока горцы-фарисеи ис- следовали часы, забулдыга, подошёл сбоку к чемодану с вещами, нагнув-

шись, взял спортивную кофту, покрутив, рассматривая её в руках и притулив к себе на грудь, сказал, обращаясь к Ивану Ильичу:

– Слус-сай, м-музик, а ну со с-спины пл-римерь на меня. В плечах не узко бу- дет?.. а то я давно о такой мес-стал...

Иван Ильич, по неопытности в подобных сделках, с дуру повёлся: отвернувшись от кавказцев, которые всё продолжали исследовать его часы, стал примерять на бомжа кофту, прикладывая её к его тощей спине. Хотя ведь можно было сразу подумать, – откуда у этого, хмыря, могут взяться деньги на им-

портный спортивный костюм, который можно купить лишь в «Берёзке» и то

за валюту, или из-под полы за двухмесячную зарплату, получаемую рабочим на заводе.

Пока Побрякушкин помогал примерять и прикидывать по плечам кофту, а в это время патлатый-вонючка, как уже мысленно, Иван Ильич, при-своил ему имя: всё вертелся, дёргался, ну прямо, как эпилептик и всё что-то гундосил: то не туда он её притуляет, а надо ему повыше, то совсем очень за-драл к голове. Наконец, Ивану Ильичу, всё это до тошноты надоело, ибо он

стал подозревать какой-то во всём этом розыгрыш-подвох, кинул спортивную кофту на крышку чемодана и повернулся к персам-курдам, а один из них протягивает ему, зажав в ладони часы, да так, что один только ремешок из ку-лака выглядывает, и говорит при этом:

– Дарагой, мы так долго и скоко не слушали, а они стоят у тебя, а ты за них ломишь такую цену!.. Ты вначале снеси их часовому мастеру, а после прода-вать станешь...

Всучив в руку Ивану Ильичу часы, абреки, резко обернулись и стали уда-ляться. Побрякушкин, бегло посмотрев на часы, в первые секунды от того, что он увидел и речь отобра-лась, ибо в руке он держал уже допотопные, затас-канные, с растресканным стеклом и будто

с помойки – часы «Победа», котрым грош цена в базарный день. В последующую минуту, немного придя в

себя, крикнул в догонку:

– Эй, мужики, часы-то мои верните!.. Зачем подменили, шакалы!.. Сво- лочи!.. отдайте часы!..

Но те, даже не обернувшись, молча, уже скрылись за углом. Иван Ильич ки- нулся было в догонку: добежав до угла, остановился, и сколько он ни взгляды- вался, мошенники-кидалы, будто призраки, растаяли средь бела дня. Вернув- шись к своему чемодану, вспомнил про забулдыгу-вонючку, которому две минуты назад он примерял кофту и которого тоже не обна- ружил на месте,

чему не очень-то и удивился, но посмотрев на вещи в чемодане: спортивный костюм «Адидас», когда-то привезённый из Франции его женой Фаиной, тоже испарился. Глянув на старика-кузнеца, спросил жалобным тоном:

– Отец, вы видели, что творится?!.. среди белого дня, считай, украли часы и спортивный костюм... ограбили!.. и на них управы нету!..

Старик, словно глухой, даже головой или каким-то иным движением тела не отреагиро- вал на слова соседа по торговле: молчал, продолжая стучать

своим молоточком. Тогда, Иван Ильич, грязно выматарился, что крайне редко такое с ним случалось, размахнувшись той самой рукой, в которой про- должал держать всё те, под- ложные часы и со всего маху шмякнул их об ас-

фальт, после чего они рассыпались на мельчайшие части, сказав в заверше- ние матер- шинных слов:

– ...Зашибись!.. Побрякушкин!.. Часы удачно уже продал вместе со спортив- ным костю- мом, осталось остальное барахло спустить по нулевой расценке, а вечером... – а что вечером?!.. вечером можно даже не сомневаться, что ста- руха и на порог не пустит, и ночевать тебе, Ган- дошка, как назвал тебя Бова Ха- ритон – хоть под забором! Сейчас-то, старуха-карга, скорее всего уже все глаза проглядела и не может дожидаться, когда я ей притащу деньгу за квар- тиру... Нет, надо найти какой-нибудь выход!..

Вначале вопросительно посмотрел на старика, но тут же припомнив, что тот не реагирует на его обращения, махнул рукой и окинув взглядом видимых в поле зрения остальных торго- щей, выбор свой остановил на одной из жен- щин. Была она не старая и очень миловидная, как раз в его вкусе и стояла напротив него, через дорогу. Подошёл, немного смущаясь, спросил:

– Извините, за назойливость, женщина, но я кажется в безвыходной ситуа- ции... Вы, вероятно, видели, как меня средь бела дня облапошили?..

– Да мне, по правде, вам сказать, наблюдать здесь подобное приходится не впервые, но с этим, скажу вам честно, бороться или пытаться какой-то спра- ведливости добиться – дороже себе выйдет... Да я даже не хочу и говорить на эту тему... Что вы хотели?.. – спросила она, уже с раздражением в голосе и с явным недовольством.

– Да мне бы остальное, что у меня осталось, пока до конца не растянули, хотя бы по какой- то бросовой цене всё оптом продать. Не посоветуете что-то по этой части?..

– Ну разве что скупщикам за копейки отдать, а так, других вариантов не знаю... У меня вот муж ещё год назад как умер, а я всё таскаю его вещи сюда и распродать не могу, не выбрасывать же их на свалку...

– Но где-то же их можно сдать, чтобы не таскаться с ними?..

– Комиссионки для этого существуют, но там можно и год ждать, пока про- дадут... Вот что, пройдите вниз к Дону, там с правой стороны увидите стоит мужчина, уже не молодой, седой, с длинными волосами до плеч, обычно ря- дом с ним торгуют пирожками от общепита, вот он, как я слышала, скупает оптом... Спросите там.

Во второй половине дня Побрякушкин налегке возвратился к бабке на квартиру. На городское кладбище он так и не пошёл: ни в понедельник, ни в последующие дни. Не потому, что боялся физического труда или чурался непростыжным занятием – могильщика; немного поразмыслив, сделал вывод, что кладбище является местом публичным, а иногда очень людным, и для него, скрывающегося под другой фамилией личности, не совсем подходящее место. В иной раз, когда хоронят какого-то известного и знаменитого, слетаются на похороны не только городские и местные, но приезжают со всех уголков страны родственники и друзья. Потому, чтобы не рисковать, решил, кладбище оставить в покое. Через несколько дней Иван и с квартиры ушёл: расплатившись со старухой из вырученных денег за вещи. Сам ушёл, без лишнего скандала. Уходя, Макаровна, вслед повороньи прокаркала:

– Работать не заставишь вас, всё хотите на дармовщину прожить, всё ходите чего-то ищите, вчерашний день потерявши, а он у вас ещё и не наступал. Пропадёшь ты, Генка, ни за грош пропадёшь, сдохнешь где-нибудь под забором!.. – а к утру собаки внутренности твои выпотрошат, как в таком виде будешь перед святыми воротами и угодниками появляться?!.. Гордыню свою умерь...

Закинув рюкзак за спину, Иван Ильич, переступив порог, со злостью и со всего маха, так долбанул дверьми, что старуха при этом в ту же секунду подавилась словами, так и не дочитав свой «отченаш», который инструктировал кандидата в покойники – после того, как прибудет он на тот свет.

С той роковой ночи и первого дня скитаний Гендоша Куцанкова, которому попутно закрепилась и вторая кличка – Куцый, погнало его по захолустным окраинам южно-российского города – ворот Кавказа – Ростова-на-Дону, по местам малозначащим своим историческим прошлым – прозябая в пристанищах для простонародья, а это – трущобы, подвалы, заброшенные строения и всякие свалки, с глухими безлюдными местами. И словно, тогда, в ту роковую ночь, он в воду смотрел, предвидя всё это. И как ненужный хлам, высохший

под жарким июльским солнцем, который обычно в этих краях, восточный суходоей в такое время года гонит по дороге неизвестно куда, подобно перекасти-поле, Гендоша поволокло от одной помойки, к другому кутку завихренный. Вскоре, даже если бы кто и повстречался ему на пути из числа близких

знакомых, узнать его было бы не совсем просто. Нечёсаная, заросшая голова с давно немытыми волосами, ресницы полузакрыты, в уголках глаз болячки и синяки под глазами, словно переболел тифом. Отирался он постоянно по куткам вокзалов, городских барахолок и базаров, спал где придётся, не брезгуя и городской свалкой, и страшно боялся идущего навстречу человека в милицейской форме, ибо ему каждый раз казалось, что его в обязательном порядке опознают. На удивление ему, вскоре он повстречался на одном из сборищ с Худудудом, который всё-таки сбежал из общины Бовы Харитона, не желая дальше ишачить с лопатой на кладбище и теперь прозябал на вольных хлебах. Вслед за Худудудом, в их компанию влился тот самый засосанный, задрипанный забулдыга, который принимал самое активное участие по реквизиции дорогих часов у Ивана Ильича, а по ходу, самолично конфисковал, а

проще говоря, спёр спортивный костюм «Адидас». В первые минуты встречи с Селёдкой, такая кличка была у этого бомжа, Побрякушкин решил ему рожу начистить, но тот первым кинулся к нему, протягивая руку, закричал:

– Земеля, падлой буду и до гроба им остаюсь, но я там был не при делах, они – эти суки, чуреки, век свободы не видать, меня на счётчик поставили и грозили не сёдни, так завтра на пику посадить... Вот моя лапа, держи петуха, я Муся-моряк, но зовут, суки, все Селёдкой... Я сам родом из Одессы, а там се-лёдкой и не пахло, там кефаль. Оттуда моя бабка, она меня

и вывезла, когда мне было всего четыре года, потом она коней нечаянно двинула, а меня спихнули в детский дурдом...

– Ладно, живи, глиста в обмотках, – сказал равнодушно Иван Ильич, но руку пожимать не стал, – только помойся, а то от тебя несёт за версту!..

– Так это не поможет, – сказал Муся-моряк, – я уже мылся не раз!.. То у меня ещё с детства, в детском дурдоме подхватил – уши текут: то одно, потом второе начинает сочиться, а потом и вся рубаха воняют...

* * *

Так незаметно и год подошёл к своему завершению; на календаре было 7-е ноября 1982-го года. Под мудрым правлением компартии ЦК и патриархов в Политбюро, о чём каждая собака знает, страна радовалась великому празднику: гранёными стаканами, без-передыху, пили водку, а вином и пивом за-

пивали; ели, поглощая пока-что килограммами варёную натуральную колбасу и горлачили до хрипоты песни: «...Я люблю тебя Россия, дорогая наша

Русь...». После – немного спустя – с отборной матершиной, принимались править друг другу скулы. Соответственно: родному куму в первую очередь, затем случайному собутыльнику или соседу, которому вдруг вздумалось полезть целоваться к жене хозяина дома, ибо сам он её целовал ещё ровно двадцать пять лет тому назад, ещё в день свадьбы, потому-то другим и не позволял такую роскошь. Геннадию целоваться было не с кем. Фаина, как он давно уже предполагал, на него положила огромный и притом с прибором, и спит

сейчас, если и не с тем бородатым художником-импрессионистом, то на этот счёт, выбор у неё всегда был богатый, в особенности среди тех, кто лет на

пятнадцать, а то и двадцать старше её, но сидит на высоком сидале. В далёком Афганистане вот уже третий год продолжали выполнять «интернациональный» долг, о котором в стране «социализма» ни единая сволочь, не имела чёткого понятия, – что это такое, зачем и кому это нахрен нужно и что мы там вообще забыли. К примеру, только в 1984-м году, который оказался одним из урожайным на погибших и годом кровопролитным для ограниченного контингента советских войск в Афганистане. В тот год потеряли только убитыми более 2300 солдат и офицеров. Тайком, с тех диких краёв, из-за гор, обожжённых зноем и суховеями гор, регулярно прилетали транспортники – «Ан-12-е», а в них цинковые гробы, заколоченные в деревянных ящиках, в которых упакованы были те самые «интернационалисты», и которых, военкомовцы, приняв по совместительству обязанности гробовщиков похоронного бюро, потихому, в присутствии только ближайших родственников, ночью, как воры, зарывали бойца-афганца на местном кладбище. И вместо

славящей речи в честь погибшего бойца и салюта, с родителей брали под-

писку о неразглашении, ибо это, по мнению вышестоящих властей, являлось сверхсекретной государственной тайной. Из этого, многие думали, что «интернационализм» сроднен с разведкой и шпионажем, а как же иначе?!.. Это вам не хухры-мухры, побегай по горам за душманом, а пока ты за ним гонялся, чтобы догнать и доходчиво объяснить, что ты не какой-то там нацистский оккупант-шурави, каким тебя называют, а мирный «интернационалист» от партии большевиков и коммунистов. И прибыл ты в эту, богом проклятую вашу гористую пустыню, где кроме опийного мака и конопли даже деревья-то не растут, научить вас, как правильно жить. И в ваш кишлак пришёл, не

убивать вас, как каких-то там моджахедов-душманов, а сделать из вас до-

стойных и преданных бойцов-ленинцев, для партии коммунистов, чтобы вы после счастливо жили и Ленина славили. Но душманы оказались поголовно человеками отсталыми в развитии марксистско-ленинского учения, и в школе

душман не учился, тем более понятия не имел, кто такой вечно живой Ленин. Обдолбанный опиумом и анашой, высунулся «дух» из-за угла своей глиняной сакли-лачуги, в корявой улыбке рот растянув до ушей, да с автомата, который смастерил русский Калашников, в спину тебя, очередью, и пригвоздил к соседней лачуге, что напротив... «Абдула, за что ты убил шурави?...» – спросили моджахеда-душмана. «А, чтобы шурави не якшался по кишлакам, где наши жёны сидят...».

А тем временем, в далёкой Москве, с помпой отпраздновав великий день рождества революции, и ради-христа самой революции, собрались было десятого числа отмечать и день милиции, а на самом-то деле, – вышел-то траур!

Так для всех неожиданно-о стало!.. хоть караул кричи, или ложись, да и сам помирай. Всего три дня минуло, как дорогой и любимый Леонид Ильич стоял на трибуне мавзолея и ладошкой помахивал, а сёдни!.. Наверное, в тот

праздничный день, допинговой дряни ему переборщили, и как будто по луже батогом шлёпнули, ибо по радио объявили, что скоропостижно скончался. А в телевизоре в это время, уже который час, замерев, сидят какие-то голуби: перриодами рамкой настройки сменяясь, а о том, что это заставка, народу пока- что не объявили, он ещё в то время про это не знал и многие подумали, что телевизоры испортились и стали крутить настройку. Когда сия процедура не

помогла, то принялись, как обычно в больничке – при любых обстоятельствах клизму засовывают в задний проход – в нашем случае, стали стучать кулаком по ящику. Стучали, стучали, а голуби вначале с экрана улетать не желали, но тут вдруг на экране появились балерины в своих одуванчиках: закружились, заприсадали, даже ложиться на пол принялись часто, правда, под своё ли-

чико, в белой шапочке, старались подложить свою коленочку. С экрана жалобно зазвучала симфоническая и камерная музыка и тут же началось «Лебединое озеро», которое некоторым могло показаться, до-бесконечности завлекательным, а вот личностям нелюдимым и нудным... Да о чём говорить!.. Имелась прослойка в советском обществе, где давно уже жили при коммунизме, а те граждане, не дотянувшие по каким-либо причинам до «член-

ства», жили в мире ином, чаще в мире иллюзий, всё надеясь, что скоро придёт добрый царь – «батюшка» – в образе всего перечня «членов» и в подобии мудрого и гениального вождя КПСС. Да и вообще, – само слово «Член» являлось самым любимым словом из всего русского лексикона у государственных чиновников и у партийной номенклатуры, на всём пространстве

совдепии. Прежде всего – член общества, а далее пошли – член правительства, член партии, члены всяческих многочисленных обществ и сообществ

под эгидой КПСС, потом пошли «члены» поменьше размером, всякие комсомольские и профсоюзные, которым ещё предстоит дорасти до нормальных размеров «Члена», чтобы было, что в руках подержать, а за ними выстроились, как по стойке смирно, готовые к «бою» – «члены» всяких учёных советов, «члены» союза писателей и ещё масса разнообразных «членов», вклю-

чая и свой собственный, который имеется у каждого причастного к элите правящей верхушки. Сам являясь большим, а то и большущим этаким «Членом»

при этом ещё и в штанах за собой таскал и возил в «членовозе» – заштатный, маленький такой, как мальчик с-пальчик, так, на всякий случай, вдруг пригодится... И куда пальцем не ткни, в «Члена» уткнулся, если не мордой, то издали глазами. Даже машины, о которых мы упомянули, и которые возили

этих самых «главных Членов», тоже назывались «членовозами». Из всей этой бодяги, прокисшей бардамаги, выходило, что общество в СССР состоит из двух сословий: в кабинетах сидят и в машинах ездят государственные

«Члены», правда, за глаза их иногда, а порой и часто другим словом называли – не совсем приличным. А вторые – это членская мелюзга. Остальное —

серая толпа, граждане страны советов, которые, как бы между прочим, ещё и бегают по тротуарам вылупив очи, или стоят часами в очередях, или, проклиная всё на белом свете, душатся в трамваях и троллейбусах... За заводы и

фабрики, – хоть не вспоминай!.. Там – План! там – Соцсоревнование! там – Сверхурочные!.. – и ещё много чего там, что называют, как на заводе «Ростсельмаш», в городе Ростове-на-Дону: там – «Бухенвальд!..». Воздушная си-

рена завывала, на весь посёлок Сельмаш – конвейер, дёрнувшись, пошёл, таща за собой комбайны на круг – ОТК. Снова завывала – обед на тридцать минут: и так круглые сутки, пока или не сбежишь с «Бухенвальда», или не сдохнешь...

Время уже было обеденное, когда в районе Гниловской, под уклон по тропинке и среди зарослей кустарника, в сторону берега Дона, стремглав бежал человек и что-то на ходу кричал. Со стороны можно было подумать, что где-то что-то случилось: или кто-то сгорел, или в Дону по-пьяне захлебнулся. А в это время, пристроившись в затишке под кручей выходящего на поверхность рыжего ракушечника, сидя плотненько вокруг ярко пылающего костра,

братство бездомных бродяг, в ведре варило картошку в мундирах и грелись у огня. Внешний вид четверых мужчин наводил на мысль, что эти люди в

«члены» ни под каким соусом не годятся, а больше относятся к тем, которых в то время называли «отбросами общества». А раз так, то – или городская

свалка, или лагерь за колючей проволокой – другого пути у них нету. Среди этих четверых, сидел и наш герой повествования, окрещённый десять месяцев назад своей любимой и необычайно умной тёщей, Инессой Остаповной,

под новое шпионское имя: Куцанкова Геннадия Антоновича. И вот сейчас, бегавший в их сторону соратник по-трущёбам, ещё не добежав двух десятков шагов до костра, захлёбываясь от задышки, прокричал:

– Лёнька Брежнев... таво... – как это ево...

– Чё таво?... чего ево?... чё Лёнька?... Ты, сучий потрох, удод вонючий, говори яснее, если есть, что сказать!.. – крикнул уже немолодой парень, под кличкой

– Кусок, ранее бывший макаронник, который проворовался и прогуляв с девицами лёгкого поведения большую сумму денег и казённого имущества, будучи заведующим на вещевом складе, после чего сделал ноги и сейчас находился в бегах.

Подбежавший, бухнулся на четвереньки, приняв собачью стойку и с такого положения, глядя по-псиному на сотоварищай, уже медленнее, но всё ещё с передышками, стал рассказывать:

– Иду это я по Старому базару, токо было уже направился к мясному, думаю, хоть мослов каких удасться утянуть, пока, думаю, дровишек у нас много, и есть на чём поджарить...

– Ты, соска кладбищенская, говори о деле, нахрен нам твои мослы, которых, как я вижу, ты всё равно не принёс, и чё тогда гавкать и парить эту тему?!.. – прервал Кусок-макаронник рассказ Хряка-могильного, – такое погоняло этот тип носил.

– Так с этого-то и началось, когда я шёл в сторону мясного, а там недалеко на столбе радио висит, из него объявления делают, а шас Москва говорила, так прямо и сказали: говорит Москва, и Лёнька Брежнев коней двинул...

– Чё, так прямо и сказали?..

– Не-ет, сказали по-другому, но я пока бежал, из головы всё вылетело, но то, что он – Брежнев, лапти сплёл – это, точняк, запомнил!..

– Ты про что енто бакланишь, блохастый ты Хряк? – ехидно, прищуриив глаза, спросил Худудут, – енто что ж получается, если, как ты говоришь, что Лёнька лапти сплёл, то есть концы отдал, тогда тема может вонючая выйти...

– А что может от этого измениться? – спросил, добродушно Побрякушкин-Куцанков и продолжил, – человек он был не молодой, по телевизору видно было, что здоровьем не блещет... Незаменимых людей нет в природе, их там в Кремле целая армия, даже, если ежедневно по одному станут умирать,

ждать придётся не одно столетие. Они ведь там взаимозаменяемые: пло- дятся, как саранча, не по дням, а по часам...

* * *

На наших страницах появился новый персонаж, который с нетерпением желает высказать свои взгляды и мнения, исходя из текущего момента истории «развитого социализма». Историческая справка от, сукиного сына,

Луки Мудищева, который, по чистой случайности, от-ишачил целых пол-века, не щадя живота своего, у врат Кремлёвского Дворца съездов в должности швейцара-гардеробщика и юродивого по совместительству. Стремясь в конце жизни обрести покой, и одумавшись от ранее пагубных привычек, вследствие чего погряз в кликушестве, в мистике и в сношениях с по-пусторонней нечестью, с которой поневоле, за долгие пять десятков лет, пришлось иметь тесную, а порой и духовную связь: с этими «Членами»

Кремлёвских палат и всего того остального Содома и Гоморры. Отчего на данный момент, его заела смертная тоска, которая напоминает ему, что он тоже ублюдок, причиной чему, стало знание тех чудовищных грехов и

преступлений, свидетелем которых были его глаза и уши. И теперь, на грани совершения садизма над своим бранным телом, он решил исповедоваться перед простым народом, который называют в кулуарах курилок Кремля – голытьбой, лохами и быдлом, а остальные – всё это толпа, которая по своей глупости, всегда верила все эти долбаные и долгие десятилетия, всем тем бредням, вдуваемых им в уши. «С тем и примите мои соборезнования, с прискорбием хочу вас обрадовать – по случаю неминуемого в скором времени краха и полного развала всей вашей гнилой большевицкой системы, как и самой страны – СССР. И мой вам добрый совет, от Луки Мудищева, на ближайшие сто лет: переделывайте вы побыстрее свои церковно-партийные школы под синагоги, – не прогадаете!.. С тем, пока не

прощаюсь, а поведаю кое-что из накопившихся знаний. Ваш заклятый враг, как я сказал уже, Лука Мудищев – заслуженный ветеран кремлёвских холуёв на службе у Членов...»

С покон веков, на Руси, а впоследствии в Российской империи, как и перекочевавшая потом по наследству эта чудовищная глупость и зараза в Советскую Россию: простонародьем, городскими обывателями, мещанами и всякой шушерой, и даже мелким обедневшим дворянством, а впоследствии рабочими и колхозниками, приступившими, закатав рукава, к строительству социализма-коммунизма, доверчиво и с фанатической верой, вся эта братия-голытьба верила и считала, что царь – помазанник божий, а Генеральный секретарь КПСС – гениальный вождь, наставник, учитель и не менее заслуживает святых почестей, к тому же наделён свыше божественным откровением. Хотя, по сути, что первый, что второй являлись обычными людьми: также сидели в нуржнике, по-тяжёлому и подолгу, на дырке и зачастую, имели целый комплекс всяких психических заболеваний, а по

жизни ещё и являлись мерзкими подлецами, каких свет не видывал. Извращенцами в плотских утехах, тварями с садистскими наклонностями, организаторами геноцида собственного народа, убийцами невинных стариков, женщин и детей, впоследствии становясь ещё и предателями интересов своего государства. Деградируя на почве власти и в конечном счёте превратившись в свою исключительность, при поддержке подпевал из своего окружения, становились величайшими преступниками мирового значения, возмнившими себя гениями, а то и сверх-человеками.

Больше всего из перечисленного относится, пожалуй, к России, ибо в этой многострадальной стране подобных венценосных типов, недоносков – о которых вам рассказываю я, Лука Мудыцев – рождаются, как на пропасть, регулярно вылупляясь из десятилетия в десятилетие, подобно многовековой плодовитости клопов в крестьянских избах их брёвен. Но это, если, конечно, не брать во внимание ещё и страны Азии, Африки и Латинской Америки – там ещё только зачатки феодализма, хотя и называют их – странами третьего мира. Для подтверждения сказанного, что касается России, тому есть немало примеров и один из особо наглядных – это то, что до прихода к власти большевиков, в царской России 75% населения всей страны составляли сельские жители. За те же кошмарные 75 лет правления большевиков-коммунистов – 50% сельского населения было уничтожено в войнах и геноциде собственного народа: умышленно, неоднократно и при том искусственно власть доводила народ до массового голода, по-

путно применяя жестокие репрессии, что выливалось в бесконечное истребление своих сограждан, а сотни тысяч населённых пунктов: сёл, деревень и хуторов были стёрты с лица земли. Это разве не геноцид своего народа?!.. Потому ещё раз повторяем для непонятливых, для тех, кто

продолжает держаться иного мнения – чудовищного своего заблуждения, фанатично веря в коммунистический «рай». Те, о ком было сказано выше, такие же помазанники божьи, как нацистские преступники, создатели Бухенвальда и Освенцима. Малюта Скуратов, а с ним лондонский Джек-потрошитель, в содружестве с современным Чикатило и ему подобных, извергам рода человеческого, если и этих, вурдалаков, причислить к божьим ангелам спустившимся на землю, то тогда, снимаем шляпу и согласимся,

что большевицкие вожди были люди праведные и достойны, чтобы причислить и их к лику святых...

А дело обычно обстоит довольно банально, примерно так. Желаешь, займись должностью, хотя бы того же кремлёвского швейцара-гардеробщика,

чтобы как-то промышлять за счёт своего положения?!.. тогда иди в храм власти. Пришёл к «вождю», а чаще к кому-то из его окружения, на поклон, разумеется. Приложил правую ладонь к сердцу, и спрашивай, как в книжках написано: «...Всем сердцем предан тебе, мой повелитель! Кого прикажешь, светлая ваша честь, лишить живота, да и бабки заодно?!.. Укажи своим божьим перстом!.. Век благословлять и славить тебя буду!..». Вообще-то

не лишне было бы вспомнить один хороший мультфильм, он как раз в нашу тему вписывается и называется он – «Маугли», в котором отрицательными героями были рыжие собаки, тигр Шархан и его попутчик, друг и холуй – Шакал. Невзирая на родословность Романовской династии российских царей, где коктейль на тухлых яйцах замешан больше на германофилах, один лишь Пётр-первый тянет на тигра Шархана, – бешенная личность

была, только в клетке держать!.. Остальная многочисленная публика: цари с царицками, с их родственниками: наследники, принцы и принцессы – это всё – рыжие собаки, среди которых много и шакалов. У коммунистов только Сталина можно причислить на роль злого Шархана, такой же шизофреник последней стадии садизма, остальные – окружение и последователи

тели – это шакальё. А вот начиная от Горбачёва, роль Шархана стремглав перескочила к англо-американскому, этакому собирательному образу, из

числа лордов, ястребов от военных и Сената, финансовых акул, ну и особо гавкучих политиков и всяких мастей советников из Белого дома. Российским правящим политикам и их подпевалам оставалось только кричать:

«А мы пойдём на Север, а мы пойдём на Север, там газа и нефти побольше, правда, Шархан?!.. А мы пойдём на Сев... Ой! как же и больно ты меня ударила, Шархан!.. – да прямо по рёбрам!.. – да прямо по яйцам!..».

* * *

Дабы нам исправить не очень красивое высказывание из уст Луки Мудищева о России, ну и заодно подправить положение из вышесказанного, а то и правда, о нас подумают, что мы ещё в каменном веке живём, как те бушмены ведущие кочевой бродячий образ жизни в пустынях Калахари и Намиб. Заболвав слово за Луку, скажем несколько слов в его оправдание. Стало быть, не будем взирать на всякие склоки и недостатки, – скажите, у кого их да не

бывает? На минуту забудем ту чиновничью злостную бюрократию, которая, благодаря каждому отдельно взятому бюрократу усугубляет отсталое поло-

жение в стране и тормозит развитие прогресса. Назвать Россию страной со- всем отсталой и забитой, а народ малообразованным, язык не поворачивается, а у кого он всё-таки повернулся, – что б он ему отсох!.. Прежде всего народ российский по своей сообразительности, да и вообще по интеллекту, даст сто очков вперёд любому американцу, немцу или французу, как и всем остальным. На вопрос иностранца: «Тогда почему вы, так бедно живёте, если вы такие умные?..».

Лука Мудищев долго не думал, посмотрел на иностранца, как на придурка, и сказал, с сарказмом в голосе:

– Вас поселить, хотя бы на пару лет, на наше место и в те же условия: среди необъятных просторов лесов и болот, с морозами ниже сорока градусов, а главное с чиновничьими непреодолимыми преградами и рамками, вы бы уже через год все передохли. Вот представь себе, господин немецкий фран-

цуз, прибыл это ты к нам куда-нибудь на Рязанщину, заходишь в кабинет, а за начальственным столом расселся, этакой откормленный бюрократ. Нет не клоп, а больше напоминающий борова с ряхой хомяка, и глазки свои поросы- чьи на тебя вылупил, будто ты привидение. А ты в это время, многократно не спросясь, соизволил явиться пред его светлые очи и потревожить его покой в удобном кресле. Ты ему ещё и пол слова не сказал, а он уже, как таблицу умножения, в своей тупой башке перебирает аксиомы-постулаты своих дальнейших действий. И правило, оказывается, у него одно, чтобы ни дай бог,

чего-то не забыть и не напутать: «Не слушать и не пущать!.. – твердит это он себе, как будто, пьяница поп, забывший молитву, – заткнуть всем пасть и запретить всё и про всё! Ни в коем случае не подписывать, а лгать, выкручиваться и обещать, но в ту же секунду забыть обещанное...». Вот так и в таком духе, вот и попробуй, господин немецкий француз, свой прогресс построить не в своих Верденах, а у нас на Рязанщине, Брянщине или в Тамбовщине...

Но вернёмся к исторической справке, коль о ней уже в самом начале заговорили. В 1918 году, большевики, среди которых немало затесалось уголовников, чтобы удержаться у власти, – создают службу-подразделение: этаких

своих опричников в образе двадцатого века – ВЧК!.. Идея не новая, много раз проверенная на практике за последние два тысячелетия, только называлась по-разному. Практиковалось это лихоимство и Великим Римом, Византией и Монголо-татарами, Османскими султа-

нами и даже Киевскими князьями, которые оказывается тоже не брезговали методом «секир башка, долой». А вот Иван Грозный, так тот вообще закрепил сие законом и правилом – в виде опричнины, Этих, с метлой у седла и собачьей головой с другой стороны, народ боялся гораздо больше, чем лесных разбойников. Пётр-первый стрель-цам головы поотрубил, и тут же свою гвардию создал. У большевиков – ВЧК,

ОГПУ, НКВД, и наконец КГБ – все последующие семь десятков лет подобно злющему цепному псу стояло на страже власти единственной в стране партии коммунистов. Десятого ноября 1982 года умер Леонид Ильич Брежнев, а на смену ему в том же месяце приходит глава чекистского ведомства Юрий Андропов, который уже в самом начале 1983-года, сам того возможно не подозревая, даст первый толчок к началу развала страны, что в последующее де-

сятилетие приведёт к методу домино. Возможно и впрямь Андропов задумал провести глобальные реформы, чтобы спасти экономику СССР от стагнации и отправить её в реанимацию, но вышло всё с точностью до наоборот, как и всегда в России, – всё и обязательно через задний проход. Ибо, действия власти, а по сути, ведь по его указке – эти, крайне непопулярные меры последовали в ближайшие месяцы и напоминали возврат к сталинизму. Вся эта кани-тель, похожая на карусель, многих представителей от власти даже в шок во-гнали, а некоторые прямо стали говорить, что возвращаемся в 37-й год. Как всегда, начали с простых смертных: с облав в кинотеатрах, в универсамах, в

пивнушках и просто на улице в центре города. Сидите это вы в кинотеатре и так увлеклись, смотрите новый фильм «Белое солнце пустыни»: и только это предводитель басмаческой банды Абдула прокричал: «Саид, зачем ты убил моих людей?!..», как вдруг кино закончилось. Вспыхнул в зрительном зале

свет, а в проходах и у дверей стоят люди в погонах, а среди них ещё и старшой – капитан, и этак ехидно, глаза в сторону отводит, видимо, стыдно ему, на весь зал объявляет. Сейчас читатель подумал, что он сказал, как Верещагин, в том кино: «За державу обидно! Таможня не бордель, почему не на рабочих своих местах?!..». Не угадали!.. Капитан сказал немного иначе:

– Граждане, прошу всех оставаться на своих местах!.. сейчас будет произведена проверка каждого на право посещения кинотеатра в рабочий день и в рабочее время. Прошу приготовить больничный бюллетень или освобождение от работы, или справку, что находишься в очередном рабочем отпуске. У кого не имеется достаточных на то оснований, подтверждающих вольное посещение кинотеатра, будут сопровождены под конвоем в отделение милиции для последующего разбирательства...

– Посмотрели кино... – мать вашу раз-так!.. Теперь будем сидеть в КПЗ и все пятнадцать суток гадать: убил Абдула Саида или пожалел... – сказал громко кто-то в зале и все в проходах стали ручейками продвигаться на выход, где с

двух сторон стояли стражи порядка и проверяли наличие справок. Отсюда делаем вывод: Совдепия, прежде всего, являлась страной «справок». А капитан, тем временем повернувшись к своим милиционерам, застывшим в ожидании, скомандовал:

– Продолжайте проверку... Провинившихся, сразу сопровождайте в машину...

И так везде. И так повсюду!.. Куда бы ни сунулся, куда бы не взбрело тебе в голову, прошвырнувшись, пошляться. Вышел это ты из-за угла и, – раз!.. И на ментовскую облаву нарвался, а там уже тебя спрашивать не будут. «Ходи

сюда, дорогой, и показывай справку с колхоза...».

«... Ну, а раз, товарищ, справки у вас нету, пожалуйста, гражданин задержанный, в камеру, а там посмотрим, что с вами дальше-то делать... Вон уже, хоть тресни, и Белореченский химкомбинат никак не можем достроить, и на БАМе некому стало работать... Рельсы все уже поржавели...».

Какие нахрен права человека?!.. Ты заплатил за билет в кинотеатр, и ни одна, сволочь, не имеет права запретить тебе досмотреть то, за что были

уплачены деньги!.. А в нашем случае что?!.. Граждане Древнеримской империи имели в тысячу раз больше прав и свобод, чем спустя две тысячи лет

имеют народы СССР. Могут и штраф выписать, могут и на десять или пятнадцать суток посадить, за то, что кино за свои деньги, без высочайшего позволения, решил, посмотреть. Ну, а после задержания, будешь свой городишко или районный центр метлой подметать и грабаркой в тракторную тележку мусор кидать. Тех, кто уже по четвёртому разу в сети угодил и нетрезвым в

это время был: ждёт ЛТП (Лечебно-трудовой профилакторий) – и придётся, тебе бедолага, так и не узнав, чем же закончились боевые и геройские приключения красноармейца Сухова, годика на полтора, а то и два – отправиться в профилакторий. Нет, вовсе не вестибулярный аппарат и нервишки подде-

чить, а достраивать всё тот Белореченский химкомбинат. Там тебя встретят, раскрыв объёты, твои последующие приключения: среди бетона, кувалды и всё той же грабарки, ну и лома, соответственно, – куда ж без него?!.. ибо, без лома – нет приёма!..

Вслед за облавами, Андроповым был введён следующий – второй параграф поэтапного плана, как поднять экономику СССР на уровень развитых капиталистических стран и достичь, если уже и не коммунизма, потому как комитетчик прекрасно сам понимал и все это знали, что это утопия, каких свет не видывал. Но хотя бы,

чтобы «развитой социализм» на ладан вдруг не перестал дышать. В колхозы

и совхозы, в торговую городскую сеть и в сельскую кооперацию, в сферу общественного питания, в бытовую и гостиничную сферу услуг, и ещё в массу всяких предприятий и служб, где вертится, вращается чистоган в советских рублях с портретом Ленина, полетели посланцы – «сизые голуби». Как и когда-то и в своё время большевики направляли по всей стране в сельскую местность двадцатипяти тысячников из числа рабочих Путиловского завода, сейчас хлынули прямо-таки ударной волной наводнения следователи прокуратуры и ОБХСС (Отдел по борьбе с хозяйственными преступлениями социа-

листической собственности). Вот с этого момента можно чуть-чуть поподробнее, ибо, с этой минуты Юрий Владимирович Андропов становится уже не

жилец на этом свете, подписав тем самым, не подумав предварительно об

этом, себе смертный приговор. Время было уже не то: сменились поколения, и чтобы реанимировать сталинский режим, для этого уже не существовало

предпосылок и даже малейших на то шансов. Работяг, лодырей, прогульщиков и всяких алкашей подзаборных ловить по пивнушкам и кинотеатрам – это вполне для всех безопасное и безвредное занятие, а вот яйца прищемить

«паханам» в мафиозно-сформировавшихся кланах, упасть на хвост и прижать к стенке подпольных «цеховиков» и коррупционную цепочку директоров ткацких и других фабрик, где всё повязано вплоть до шишек, сидящих у верха хушки Кремля, в том же правительстве и в самом Политбюро – это занятие,

скажу вам... – одно и то же, что долго играть с чекой гранаты-лимонки.

И главное, что удивляет!.. Следователи-то от прокуратуры и ОБХСС не поехали в какие-нибудь захудалые, убыточные и конченные хозяйства, где пень через колоду, живут и работают в них одни доходаги, остальные давно уже

по городам разбежались. А те, что остались, копейки на булку хлеба считая, от зарплаты до зарплаты, кое-как влечат существование, ну и попутно, не забывая, самогон с тройным одеколоном глотать. Там один хрен ловить нечего, денег хоть шаром покати, у государства в долгах по самые уши и слушать их одно нытьё не очень-то хочется; жалобы там всякие, просьбы и пожелания... Нет, в такие хозяйства не ездили, там строительство коммунизма идёт,

как надо, – чё туда ехать, по бездорожью токо трястись! Потому и ломанулись, как мухи на мёд, в передовые совхозы, в предприятия торговли и бытового обслуживания, в сеть кафе и ресторанов – туда, где денег много и где народ трудился на совесть, зная за что, и совсем не думая, о скорейшем построении коммунизма. Впрочем, не исключено, что построение коммунизма изна-

чально подразумевало в неотъемлемой своей части: негласно придержи- ваться и идти в ногу с бедностью и нищетой, ибо в ином случае – это будет

уже не коммунизм. «Скажите, какая мне радость от этого, сколько инородных республик кормит моя страна, и сколько миллионов тонн выплавили в стране чугуна и стали, и сколько космических кораблей отправили в открытый кос- мос, если у меня нечем накормить своих детей и сам я, не разгибаясь, в кол- хозе горблю за шапку сухарей, при этом хожу, которое уже десятилетие в ват- нике-фуфайке и в кирзовых сапогах, как зек на лесоповале?!..». Если судить

по экономическим показателям и результатам свершившегося факта за два- дцатое столе- тие, то, все те страны, которые придерживались коммунистиче- ского, диктаторского режима, потерпели полный крах. СССР, как мы знаем,

сама всю эту бодягу затеяла и в первую очередь, сама же на свои же грабли и наступила, а за ней потопали в ту же яму её последыши. Впрочем, страны во- сточной Европы и Китай – страны, которые первыми вовремя одумались и

смогли быстренько перестроиться на манер капиталистического развития, а остальные: Куба, Северная Корея, Вьетнам, Гватемала и Гондурас и подобные им, как были нищие, так такими и остались, а в иных случаях, продолжали

скатываться на самое дно бедности. Россия, на деле двуличная, продолжала в том же духе, грабя свою родную страну, кормить кого не попадя, только не своих, при этом ссылаясь и придерживаясь того курса, которому учили ком- мунистические вожди. Пролетарии досо- единались, что своим пролетария хоть зубы на полку. И как оказалось, что кухарка и пастух управлять государ- ством всё-таки не могут – и точка!.. А дальше пойдёт очередной российский раздрай!.. Но это будет немного – потом!.. – а на этот час, как бы между про- чим, первая партия следственных мероприятий многочисленных уголовных дел по стране были закончены, после чего наступил третий этап «Андропов- щины» – это громкие, показательные, судебные процессы над хозяйственни- ками: над теми людьми, от которых на самом-то деле была нема- ловажная

польза стране, и которые умели поставить дело на правильный экономиче- ский лад и нужные рельсы. На скамью подсудимых замели и усадили дирек- торов совхозов, директоров торговых, общепитовских предприятий, руково- дителей комбинатов бытового обслуживания. В небольшом количестве,

будто бы для пестроты и разнообразия, угодили и председатели зажиточных колхозов. До компании пополнили всякими заведующими и главных бухгал- теров не позабыли учесть, а прорабов сам Карл Маркс велел сажать в первую очередь и даже рядом места хватило в зале суда за барьером средне-звенье- вым мастерам и бригадирам-шабашникам, которых в пред- приниматели впи- сали. За предпринимательство, в особо крупных размерах, уголовная статья карала вплоть до вышки. Всех перечислять нет надобности, список выглядит

очень даже такой пёстрый и солидный, скажем одно, что, когда любое пред- приятие или будь то любая организация работает на конечный результат труда и заработной платы рабочим, положение там, никогда не будет соот- ветствовать большевицким инструкциям. В циркулярах изначально заложена главная мысль – это бесплатный рабский труд всего населения страны на

прихоти отдельной диктаторской партии и на прихоти выживших из ума кремлёвских старцев, по понятиям которых: оплата труда по-коммунистиче- ски должна составлять в таком размере, чтобы её хватало не сдохнуть с го- лоду до утра, и завтра снова выйти на работу...

Только за 1983 год, по хозяйственным «преступлениям», было возбуждено 800 уголовных дел, по которым было осуждено около 4 тысяч человек. Про- должение «чистки» элиты спровоцировало серию самоубийств, список кото- рых по лесенке уходил наверх до секретарей райкомов и обкомов. Среди

этих самоубийств, в отдельных случаях, просматривалась рука чекистов. К

примеру, пропавшие без-вести, «выпавшие» – а на самом деле выбросивши- еся из окон высотных зданий. Или как первый секретарь Кашкадарьинского обкома партии, который умуд- рился семнадцать раз ударить себя ножом,

пока, наконец-то, не добил себя, – до трупa. «...Ну, что за напасть?!.. Сколько уже ширяю в себя, и прямо же в сердце, а всё ещё живой!..». Сказал секре- тарь обкома, прощаясь с родным потолком в своей родной квартире.

Андропов, своими судебными процессами, вспугнул не только хозяйствен- ников и чиновничий улей злостного бюрократа, но и всю партийную номен- клатуру – вплоть до пер- вых секретарей обкомов и крайкомов, напомнив им

1937 и последующие годы репрессий, вплоть до смерти Сталина в 53-м году. А это ведь страшно!.. в особенности, когда к высшей мере стали приговари- вать за крупные хищения, как к примеру, директора «Елисеевского» гастро- нома в Москве и даже не пожалели женщину, «Железную Бэллу», директора сетевых Сочинских ресторанов... Всё-таки женщину не стоило было расстре- ливать!.. Всего лишь, за какие-то несчастные бумажки: две там или три сотни тысяч деревянных рублей?! – которые в скором времени, в этой сумасшед- шей стране, пре- вратятся в фантики!.. Взять, и расстрелять женщину?!.. Бред какой-то! И прежде всего – это тяжкий грех, а вслед за ним и наказание за это, которое не заставило себя долго ждать... Скоро начнут грабить страну в мил- лиардах долларов США и в тысячах тонн золотого запаса страны, и как раз те, по чьему повелению перед всем этим расстреливали за гроши!.. – вот то бу- дет «законно!». «В Датском королевстве, в пределах Московского княжества,

у самого порога Кремля, с каждым днём всё сильнее и невыносимей повани- вало дерь- мом и становилось не всё спокойно, ну совсем прямо не так как в Багдаде!.. А вчера по радио, голосом похожим под Левитана, всё время кто- то трезвонил и врал, как попугай: – В Багдаде всё спокойно, в Багдаде всё спо- койно... – а тут оказывается, шакалы возню с грызнёй устро- или, предвидя в

скором времени делёж золотовалютного запаса страны...».

А вот вторая представительница прекрасного пола – будем далее говорить уже без вся- кого юмора и на полном серьёзе – не менее известная: Светлана Щелокова, решила поквитаться за своего мужа и поставить на место зарвав- шегося чекиста, недаром она прошла фронтовые дороги вместе со своим му- жем. С фронтовой женой Николай Анисимович Щелоков прожил счастливую семейную жизнь, но закончил её трагически: оба застрелились почти в одно время, с разностью в девять месяцев... Отдельная тема, о ней мы скажем вкратце.

Стреляла ли на самом деле жена министра МВД в Андропова 19 февраля

1983 года в лифте, в отместку за своего мужа, смещённого по его инициативе с должно- сти?.. Вероятней всего – да! стреляла!.. В почку попала, притом в

больную, тому есть многочисленные подтверждения, после чего и сама за- стрелилась. Вслед за этим: Щелокова, вдобавок ко всему, ещё и исключают

из партии, и лишают всех наград, в том числе героя Социалистического труда; и 13 декабря 1984 года Николай Анисимович, последовав примеру своей

жены, застрелился. Ему перед этим позвонили, чтобы он привёз и сдал награды, на что Щелоков, будто бы, ответил: «Вам надо, приезжайте и заби- райте!». После чего, положил трубку, надел парадный мундир, увешанный наградами, вставил ствол ружья себе в рот и выстрелил...

Если внимательно посмотреть на фотографию ещё военных лет этой пре-красной пары – время на фотографии запечатлело, вероятней всего, где-то конец 43-го или начало 44-го – напрашивается мысль. Красивая пара! Чем дольше смотришь, тем больше притягивает взгляд и растёт желание и дальше смотреть – завораживает. В мыслях и в воображении сразу возникают, всплывают сюжеты фронтовых будней, боевой их ратный труд. Он полнокровник: красив сам собой и что-то в лице у него просматривается римское:

лицо волевое, копна пышных волос, зачёсанных назад, на две стороны. На груди два ордена боевого красного знамени и боевые медали. Впоследствии орденов станет одиннадцать, десять медалей и шестнадцать иностранных наград. Она, на фотографии рядом с ним, чуть наклонившись корпусом в его сторону, притулившись к его груди, виском прижавшись к его голове... И

снова напрашивается мысль, – что роднее человека у неё на земле не существует. В их лицах есть что-то общее, неуловимое: искренность и огромная воля души человеческой, что не подлежит сомнению. Светлана... – вероятно,

трудно было в такую не влюбиться: молодая, красивая и тоже волевая, она из той породы женщин, которые пойдут за мужем в огонь и в пропасть, закроют грудью, никогда не предадут, и не отступятся. Ему тридцать три, ей на тридцать лет, видимо, меньше. Всё та же роковая цифра «13» – для Николая Анисимовича. По старому стилю родился 13-го ноября и ровно через 13 лет, с того дня, как расстреляли Лаврентия Берия, Николай Анисимович стал министром внутренних дел. В то же число – 13 декабря 84-го застрелился.

Находясь на должности министра МВД, все годы Щелоков не сидел в кресле сложа руки, а ту милицию, которая существует и по сегодняшний день – это творение рук Николая Анисимовича: он её реформировал, переделывал на

более современный, по понятиям того времени – социалистический лад и мотив. А ведь очень многое, от сталинских времён, было отправлено на свалку истории. Учитывая его фронтовые заслуги и те реформы в милиции, о которых больше говорят, как о беспределе, – а это не совсем серьёзно, для этого надо всего навсего сопоставить два временных отрезка из истории милиции.

Да и вообще, просто по-человечески: причислять, эту такую славную супружескую пару к подлецам и шакалам, значит, взять на душу большой грех! Факт говорит сам за себя: подлецы сами себя жизни не лишают, тем более не стреляются, заложив в рот ствол ружья, кишка слаба на такие вещи! Они – те подонки, даже, когда их ничтожное существо уже тля доедает, и тогда – эти вонючки и сволочи, цепляются за эту самую жизнь, которая, отмахиваясь от упыря, никак не может от него отцепиться!..

Этой супружеской паре в прошлом можно было только завидовать, а после сожалеть об их трагическом конце... К великому сожалению, не о них пишется этот роман, и по правде сказать, в душе очень хотелось бы этого, но для этого надо знать о них всё. И, разумеется, только по личным впечатлениям одной лишь военной фотографии и тем скупым высказываниям в журнальных статьях, где порой плещет враньём или чем-то склочным и негативным, что не вооружённым глазом заметно, роман не напишешь. Но, то воен-

ное их лихолетье, и пламенная их бурная любовь, подобная взрыву снарядов, под вой канонады «Катюш» и раскатистого крика: «Ура!». А после... потом на смену пришли первые трудные послевоенные годы, о чём можно только догадываться... Прекрасная тема, нет слов!.. – но нет и материала. Писать надо правду, а её, прежде всего, надо знать, а, значит, эта тема не для нас!..

У Андропова, как и у любого другого высокопоставленного чиновника на олимпе власти, были свои воспитанники, которых он продвигал по службе, лелеял, в случае каких-то заморочек, включал в свою политическую игру – кремлёвскую крысиную возню – и одними из них были особо им опекаемые – это первый секретарь Ленинградского обкома партии Романов

и Ставропольский секретарь, в прошлом «Мишка комбайнёр», а на этот день уже член ЦК и кандидат в члены Политбюро, Михаил Горбачёв. Все говорят и думают, что СССР развалил Горбачёв. Бесспорно, по большому счёту, он к этому грязному делу, закатав рукава, аппетит и грязную руку изрядно приложил, так оно и

есть. Но!.. Сами подумайте! Кто такой Горбачёв, чтобы развалить и уничтожить такого монстра, как СССР?!.. Он что, Чингиз-Хан со своей неисчислимой

Ордой, или Аттила, во время нашествия гуннов?.. Да он же обычный провинциальный недоумок – балабол, которого умостили в кресло Генсека, чтобы его руками развалить всё и вся, чтобы уже навсегда похоронить того вампира из 37-го года, вбив осиновый кол напоследок. По ночам не вскакивать с кровати в холодном поту, когда тебе привиделись мастера заплочных дел из

подвалов Лубянки и Берия вместе с отцом «все времён и народов» во сне

приплёлся. Кому-то же надо было делать безвозвратный развал, чтобы уничтожить всю ту вертикаль власти, после чего на деле, каждый высоко-сидящий партийный бос-мутант становился лицом удельно-княжеским, завладевая определённым огромным объёмом активов страны. Только последний

недоумок может поверить в то, что какой-то там комбайнёр из хутора «Говно-луповка», что где-то в куширях на ставропольщине, подобно нашей Гнилой

балке, из содержания событий в романе, вдруг по протекции Андропова,

быстренько доскакал до главы государства; схватил кочергу, какой в марте-новской печи сталевары шурудят, и давай, как тот чёрт в аду, поджаривать весь совдеповский народ на сковородке. Всё было и выглядело гораздо

проще, и об этом все знали, помалкивая в тряпочку, потихому сопя в две ноздри, а на деле провоцировали глобальный дефицит всех товаров первой необходимости, вагонами вывозя испортившиеся продукты на свалки. Когда принялись уничтожать плантации виноградников и винзаводы, а весь мир

узнавав об этом, никак не мог в это поверить, ибо, для нормального человека

– это означало обычное сумасшествие. Окружение, усадившее Горбачёва в кресло, предполагая, что это временно и лишь на тот период, пока будут грабить страну, как оно на самом деле и вышло: зудело, подпевало, поддакивало и в ладошки хлопало: «Держай придурок!.. нам эта хрень: партком, завком, райком, обком, а там пошли всякие выговора и постановления на вид, угрозы, – исключим из партии!.. всё это давно уже в печёнках сидит!..».

Если бы Горбачёв не сдал СССР вначале в Лондоне, подписав, не глядя, там позорные параграфы – по сути – капитуляцию, подобную Берлинской в 45-м, которую нацисты-немцы подписывали, да не сдал западно-германцам и Натовцам всю нашу группировку войск в ГДР, а вслед и саму ГДР, ему бы не жить долго на этом свете. За всё про всё, зарубежные «коллеги по гласно-

сти», пригрели его, обласкали, взяли под крылышко, и уже негласно, всем дали понять, что Горбачёв находится под опекой и охраной самого НАТО и Бундесвера... Оправдывать коммунистический режим вряд ли стоит, но и уничтожать, и разрушать до основания созданное народом потом и кровью хо-

зяйство и экономику, может позволить себе только идиот, или явный предатель и враг своей страны. Государство – это та же семья, только большая. А в каждой семье всякое бывает. И хозяин в доме порою меняется и мордобитье с поножовщиной порой случаются, но до этого никому дела нет – сами разберутся, а если со стороны, кто попытается вмешаться и установить свой порядок, вмиг получает отпор...

Немного хроники. Коммунизм... – слово-то поначалу многим не совсем понятное было, но пропаганда так его разрисовала – про эту счастливую и сытную жизнь: без денег и рабо-

тать – когда захочу. Всем по потребностям, от каждого по способностям, что вскоре – это слово приравнено было, – хоть в

«Святцы» записывай. А вышло-то что?.. Но это семейное, сразу хотим преду- предить, со стороны – из-за бугра – нет никому до этого дела!..

В 1921 году – голод в Поволжье. Печально, конечно. И сколько умерло – по сегодняшний день никто так и не знает, а через 12-ть лет, в 1933 году – голод

на Украине, Северном Кавказе, включая Кубань, Дон, Ставрополье и сотни ты- сяч, но не исключено, что миллионы – умерших. Секрет за семью печатями.

Через 13 лет, в 1947 году, снова голодные годы на большей части страны. Проходит 14 лет, каждый раз прибавляясь по году: 1961 год – большинство городов, вся сельская мест- ность – дефицит продовольствия: гороховый хлеб и картошка – всё, что ещё препятствовало к повальному голоду. Во многих го- родах растущие протесты с жестоким вооружённым подав- лением «народной властью», одним из которых, в 62-м, особо кровавым, оказалась Новочер- кас- ская трагедия. Проходит 15 лет – 1976 год. Брежнев переносит клиническую

смерть: за уши вытащить удалось его врачам с того света. И сразу появляются первые признаки обвала всей советской экономики. Начинают постепенно

пустеть прилавки магазинов, а далее серьёзные личности из партийной элиты исподволь начинают раскачивать терпящий бедствие корабль. Ввязавшись в

войну в Афганистане, тем самым постарались быстрее потопить этот корабль, о чём хорошо и доходчиво спел Игорь Тальков и за что его и убили. По сути,

страну превращают в мафиозно-клановую провинцию Запада, подобно стра- нам тре- тьего мира, к примеру, Латинской Америки, где массово занимаются выращиванием наркоты. В России вместо неё – неисчерпаемые природные ресурсы: нефть, газ, лес и вся таблица Мен- делеева металлов.

Советским радиослушателям, радиостанции «Маяк», телезрителям всего двух телевизи- онных каналов в эфире и читателям газеты «Правда» и «Комсо- мольская правда», устами пар- тийных «Гейббельсов» рассказывалось: в какой только прекрасной стране им повезло появиться на свет, стать счастливыми, патриотичными, образованными и умными, благодаря неустанным заботам родной коммунистической партии. Продолжая хвалить вас, потихоньку спаи- вали, сажали в психушки и тюрьмы, изживая со свету, но при этом не забывая себя, по- тихому при- крываясь интернационализмом и национальными инте- ресами великой страны социализма, по сути, грабили страну, таща на её шее пол мира: отсталых и неразвитых стран, а в будущем ничего не оставляя сво- ему потомству, – на выжить!.. Ибо!.. Как лежала центральная Россия в боло- тах, в бездорожье, в захудалых деревушках и в нищих моногородах, такой она, без всяких на то изменений, и продолжала оставаться, а ведь это – спустя более семи десятков лет со дня образования «народной власти». Но!.. если

бы пришли в нашу семью чужаки, было бы во сто крат хуже. Для этого не- плохо бы вспомнить Великую пятисотлетнюю Британскую империю, под вла- дичеством которой находилось более половины земного шара, а заодно изу- чая историю этого периода, оценить её «праведные» дела по уничтожению

иных народов и рас...

Домысливать остальное придётся читателю самому, а нам пора в дорогу...

На сельских просторах.

(Пояснительная записка, личные впечатления, особое мнение на теку- щий историче- ский момент и ко всему этому горькие воспоминания, суки- ного сына, Луки Мудищева)

– Хорошо в дярвенне жить!.. Выйдьяшь в поле, сядьяшь ср... ть, далеко-о

табя видать... К чяму енто я вам так, сказал?.. Помнитса, в году этак два- дцать втором, в-аккурат, за два года до смерти Володьки Ленина, будь он

неладен, не в добрый час вспомяни о нём, и, поди, за три года до гибели Се- рёги Есе- нина в Ленинградской гостинице «Англетер», дружбана моего и ко- реша славного. Где-то уже после Святой Троицы, поехали это мы с Серёгой к няму на родину, в село Константиново, на Рязаницину. Мы с ним тогда уже крепкую дружбу водили, я ящѣ тогда в Кремль не вхож был, да оно-то как раз, в том двадцать втором, в Кремле том, такой там бардах тво- рился: голыми по Москве расхаживали и в чём мать родила друг за дружской гонялись, что им было не до меня. А Серёга уже про меня стяхи пясал,

правда, сильно матершинные, но пясал, пясал. После сплетни ходили, что

это будто бы не он писал, но то брехня, брехня... Стихи те, кому только не приписы- вали: и Денису Давыдову, и Демьяну Бедному, и чуть ли не самому Пушкину, про Володьку Ленина почему-то забыли, а пясал он, Серёга Есенин. Так вот поехали это мы к нему в деревню Константиновку, селом она у них называется. Зачем поехали?.. Как зачем?!.. На сене пова- ляться в обнимку с пышной рыженькой барышней-крестьянкой, молочка парного испить, да клюквы и прочих ягод отведать, под эбан водочки-перцовки с грибочками, маринованными из бочонка: всем понемногу полакомиться. Гармошку-та- льянку, он это, свою прихватил. Ездовой правит, а мы сядим это на

тялеге, в задке, сена по задницу подмостили, ноги в хромовых сапогах внизу болтаются, и песни на всё горло распеваем. Кругом раздолье, без- людье, о чём я раньше вам уже расска- зывал, но потом в лес въехали, но петь не перестали. Помнитса, раза три, а то и больше, пели мы всё про рябину... или про клён?.. Нет, всё-таки не про клён, а про небо... Я тогда даже всплакнул надолго. А как не всплакнёшь, если он про свою будущую судьбу пропел: – Ой ты синее небо России, ухожу очарован тобой... – сам поёт это он, надо же так придумать!.. а я сижусь и слёзы текут, а он под

гармошку поёт: – Я навек без тебя не утешусь, пропаду без тебя моя Русь. Вот вам крест, что я завтра повешусь, а сегодня я просто напыюсь...

И как тут не заплачешь?!.. когда ведь всё так и произошло!.. В той про- клятой гостинице «Англетер». Объявили-то, что сам он повесился...

Врут!.. перед господом богом могу поклясться, что врут!.. Не вешал он себя, потому, как я свидетелем всего того случая был. Вначале под кро- вать успел я спрятаться, когда они в номер гостиницы к нам с Серёгой во- рвались. Я с первого взгляда определил, что чекисты явились и было их трое. В серых коротких пиджачках-лапсердаках, на головах кепки, воры в таких ходят, не картузы. На ногах добротные, пожалуй, ещё совсем новые

хромовые сапоги... Они – эти сапоги всё время у меня перед мордой мельте- шили, когда я под кроватью лежал, а они Серёгу избивали ногами, в тех са- погах. Ой, как они его били!.. – как били! Скотину так не бьют! Потом при- нялись подвешивать, а оно не получалось, то сам он, Серёга, уже совсем не живой, не хотел в той петле держаться, то потом труба отопления обо- рвалась, но кое-как закрепили, а уходя, решили, пол от кровящи подтереть, вот тут-то меня и обнаружили. Я-то лежал к стенке прижавшись, а ноги в сапогах некуда было деть, по ним и обнаружили... За те ноги и вытащили меня из-под кровати. Один из них – этак по-тюремному и говорит: «Держу мазу, гражданин начальник, засранец тут – сямка – жучок, под шконку за- ныкалась. Можс, с собой заберём и дома банковать будем?.. – а то уже и кулаки болят, и наш театр не правдѣнным получится...». Вот так я и очу- тился: вначале на Лубянке, а после, они же меня и в Кремль на должность определили... Вот с тех времѣн и был я негласно и неофициально причислен к Кремлёвским сякретам... На этом пока прощаюсь, ваш злейший враг, Лука Мудищев...

* * *

Надоевшая до печёнок зима, своей настырностью, никак не желая поки- дать пределы придонья, упорно продолжала вести непримиримую борьбу с весной, которую с нетерпением ожидали все люди от мала до велика. Погода сменялась на день по несколько раз: то она бросала в лицо заряды снежной крупы, то переходила на дождь, капли которого тут же превращались в наледь, то с востока постоянно дул этот пронизывающий колючий ветер, и, если кому-то и была такая погода равносильна смерти, учитывая жизненные условия и само здоровье, так это людям, как наш главный герой Побрякуш- кин-Куцанков и его попутчики по несчастьям. Предвесенняя распутица для

этой категории граждан страны «восходящего коммунизма» была не мёд, а порой похуже каторги.

Раннее утро. Райотдел милиции Железнодорожного района города Ро- стова-на-Дону. У главного входа стоит машина, спец-изолятор, с добротной

железной будкой, свежеекрашенной, на которой не крупным шрифтом синяя надпись – «милиция». На улице, гуськом, друг за другом выходят трое сер-

жантов, и спустя пару минут выскочил ещё лейтенант, застёгивая на ходу ши- нель и поправляя португеею. Сержанты стоят возле машины: двое скрестив

пальцы на кистях рук и задрав их вверх над головой, потягиваются, зевая. Третий, самый рослый из всех, с силой постучал ладошкой по кузову машины, как по пустой бочке, после чего «членовоз» для транспортировки мелкой, не- кудышной «шушары – смитья» – отозвался гулом, а сержант, громко при этом заржав, по-лошадиному; выкрикнул, уже по-людски:

– Ну, Боливар!.. – Сивка-бурка железная тужурка, готовься скакать до упаду!.. план нам навесили будь здоров и не вздумай кашлять своей выхлопной тру- бой... – Немного помол- чав, решил, дополнить и прояснить ситуацию. Понизив голос, сказал: – Если, ребятишки, дело и дальше так пойдёт, то скоро далеко от порога отдела ездить не будем, а будем хватать всех подряд прямо у нас

под носом, на тротуарах...

– Запрыгивай уже в машину!.. своё мнение ночью жене на ушко выскажешь!

– крикнул лейтенант, садясь в кабину рядом с водителем.

Милицейский наряд «рейнджеров» отправился на охоту. Выехали на про- спект Стачки. Утро мерзкое и на душе такая же тоска смертная, что и жить не хочется, даже улицы и тротуары и те пустынные, и только на остановках, съё- жившись и подняв воротники, стоят кучки народу, в ожидании обществен- ного транспорта, чтобы попасть на работу.

– Сврачивай к Дону, – сказал лейтенант водителю, – тут голый вассер, тут только бродя- чих собак ловить, и те попрятались, но мы-то и не кошкодавы... На улице тем временем пошёл снег с дождём. Медленно, на третьей ско- рости передачи поползли уже по улице Портовой. Чем-то в этот момент – эта милицейская будка, облепленная со всех сторон снегом, и вся эта их опера- ция – по поимке бродячих, человекоподобных особей, с этим медленно пол-

зущим автозаком, на фоне снегопада, напоминала сюжет из Булгаковского «Собачьего сердца», единственное, что не вписывалось в наш сценарий, так

это отсутствие, затушеванного в кожи и ремни, персонажа – товарища Швондера и Шарикова, в длинном до земли таком же пальто, и к тому же наши brave

парни никак не были похожи на тех живодёров-кошкодавов в валенках, где главенствовал новоявленный на свет божий Шариков, переименовавший

себя, подобно Побрякушкину, в Полиграфа Полиграфовича. Правда в отличии от нашего героя, тот Шариков – Полиграф Полиграфович, был в прошлой

своей жизни пропащим горьким пьяницей, а по совместительству ещё и ба- лалаечни- ком, которого в пьяной драке случайно пришили, да прямо ножом в сердце... К счастью наш Побрякушкин-Куцанков, пока что – жив здоров и нам

есть, о чём рассказать вам о нём в дальнейшем.

Милицейский «челленджер», крадучись, продолжал сонно ползти вдоль улицы Портовой, когда неожиданно вдвали – в мареве снежной занавеси – за угол нырнуло два типа, подозрительные личности. Лейтенант, намётанным глазом, вычислил в ту же секунду, – их клиентура.

– Давай за ними, вон за тот угол, – сказал он водителю, и в ту же минуту обернувшись, через открытое окно в перегородке, приказал сержантам: – Один выпрыгивает на этом углу, а мы проскакиваем до следующей улицы и возьмём их в клещи. Приготовились к десантированию...

Неожиданно выскочивший из-за угла милицейский автозак, не оставлял ни малейшего шанса на спасение двоим нашим новым знакомым, из компании Ивана Ильича: Жеке-Куску, который ко всем его бедам ещё и находился во всесоюзном розыске, а с ним был Тося Костыль, родом из Херсона. Прижавшись спинами к стене дома, замерли, – западня!.. А в эту минуту, в двухстах метрах от этого места, стоял третий их соратник – Муся-Селёдка, который высунув морду из подворотни, где он несколько минут назад справлял нужду и забирал «зачачку» – на брюхе держа в руках авоську с пустыми бутылками – несколько минут наблюдал, как менты вяжут его сотоварищей. Видел, как вырвавшись, побежал Кусок-макаронник, как догоняя, подставили ему ногу, как он упал, посунувшись по грязному асфальту. И только после этого, Селёдка,

словно очнувшись, вдруг подпрыгнул на месте, замахал руками, и тархтя бутылками в авоське, бормоча что-то себе под нос, кинулся вглубь двора.

Затолкав в будку машины первых «особей-зверушек», лейтенант, довольный и потирая ладони, с подсмешкой, сказал:

– С почином, товарищи, славная советская милиция!.. Ещё и глаза толком не продрали, а две рыбёшки уже на крючок попались, так гляди, до вечера и план натянем на шкуру. Теперь нам надо ниже спуститься, к Дону, я задницей чувствую, что где-то в этих краях, у этих «граков», логово здесь...

– Так, может, у этих, хмырей, попытаться хоть что-то узнать?..

– Так они тебе и скажут!.. Один ответ, – вам надо, сами и ищите... Это, если бы им неформальную баню устроить, тогда, может-быть, кто и протяввал бы, но щас на это времени нету.

– Ну-у... чё стоим?.. поползли дальше...

– Да по такой погоде их хрен найдёшь, сидят себе где-то по щелям, как те тараканы.

– Ну и с этими двумя пассажирами на базу возвращаться стрёмно. Нафаршировать хотя бы треть будки.

Автозак, теперь уже по переулку, пополз под уклон в сторону берега Дона. Милиционеры продолжали отряхивать с одежды мокрый снег, и возбуждённые предыдущим задержанием подозрительных личностей, каждый старался громко о чём-то своём рассказать.

– Расскажу вам одну историю, – сказал, тот самый рослый сержант, – я в то время, только поступал к вам, в милицию. Прибыв из армии в деревню, дом мой, что в ста километрах от Пензы, вначале отирался по избам, и, недолго думая, приехал сюда в Ростов. Поселился это я на квартиру к одной тётке, в коммуналке она жила. У неё, значит, одна комната, но большая: квадратов на двадцать, она же её перегородила фанерной перегородкой и пускала жильцов на квартиру. В длинном коридоре всегда темень, потому что свет экономят, платить никто не хочет, а окна – ни одного. Квартир там было столько,

что почти полгода там прожил, но так и не понял, сколько их там: дверь на двери, того и гляди, что запрёшься не туда, куда надо... А до меня, рассказы-вали соседи, у той тётки, Жанной Леопольдовной её звали, жил один студент...

– Гляди, вон по тротуару, шмара, кажись, бредёт!.. – прервал рассказ сидящий рядом младший сержант, – бикса потрёпанная, видно, после пьянки, может, всунем её до кучи в наш «ягуар»?.. бог троицу любит...

– Я тебя умоляю, зачем усугублять ситуацию!.. Заяву кинет, что пока мы её катали по городу, а её там, те два хмыря, пять раз изнасиловали, а она кричала и звала нас на помощь, а мы глухими прикинулись... Нет, я думаю, пус-

кай бредёт, шансонетка, зачуханная... Так что там со студентом, а, Вася, чё замолчал?!..

– Да тот студент, как говорили, не от мира сего: то ли он сожительствовавал с Леопольдовой, а она ему чуть ли не в бабки годится, то ли она с ним шуры-муры затеяла, что больше похоже на истину, хрен их разберёшь!.. Но высала она его, как устрицу из ракушки: худющий стал, кожа да кости; ходил уже пошатываясь, между тем, если бы в один прекрасный день студент не

сбежал, могло бы и печально для него всё это закончиться. В этой огромной коммуналке, где было не меньше двенадцати квартир, женщины с Жанной не общались, даже на кухне, где волей-неволей приходилось задницами тереться и то сквозь зубы пропускали по слову в неделю. Меж собой они её ведьмой называли, оно и правда: чёрная как цыганка, а когда в комнате не очень светло, в пасмурную погоду, глянешь на её рубильник носатый, – точно ведьма перед тобой сидит. Если она вдруг на чьего-то мужа глаз положит: как

потом, благоверная, не старается уберечь своё супружеское чадо от ведьмацких утех, всё равно уволокёт к себе в постель. Проснётся, юная страдалица

среди ночи, помацала ладошкой рядом с собой – а место давно уже остыло. Вскочила, нетерпеливая!.. кинулась за второй своей половиночкой, да прямо босая и в одной комбинашке, будто горлица, да в полутёмный, холодный коридор, да подбежав к дверям туалета, с силой дёрнула ту самую дверь, а там пусто!.. И признаков суженного не видеть!.. Стоит минуты в раздумьях, слёзы по щекам ручьями текут, а в голове только одна мысль стучит молотом по наковальне: «Уволокла, бесстыжая, ненасытная, старая тварь!.. уволокла!..

живого уволокла!.. – как удав, заглотила!..». Глянула девица в дальний угол коридора, где дверь ведьмацкой находится: животный страх в душе и сердце сейчас вот-вот из её груди выскочит; на цыпочках, как кошка к мышке, стала подбираться к той проклятой двери, к насыщенному, порочному месту – Леопольдовны. Подкравшись и приплюснув к двери, затаив дыхание, принялась вслушиваться, но уже через минуту её головка отдёрнулась, и вся она отпрянула от двери, будто её током ударило, а правая рука, произвольно, сама по себе, стала крёстное знамение сотворять. За дверью той, словно кузнечные меха работали, раздувая пламя в горне, и слышались охи и ахи, что-то шкребло и визжало, а по спине, страдалицы, в эту минуту не то что мурашки

бежали, кошачьи когти скребли!.. Кинулась, несчастная, к себе в комнату, укуталась в одеяло, сидит на кровати и дрожит, как в лихорадке, ждёт, когда муж заявится. Уже под утро, скрипнула дверь, и её родненький Ваня, вошёл. Бледный, голый, а в руках, двумя пальцами, держит перед собой, будто наказ улику преступления – свои трусы!..

– Где ты был, Ваня?.. – спрашивает жёнушка ласково, тихо, дрожащим голосом.

– Наверное, в туалете, Маша, я был... – отвечает жертва ведьмацкого произвола.

– Но... я туда заглядывала, там тебя не было!..

– А где же я тогда был?.. – спрашивает, не менее несчастный, Ваня.

– Так это ж тебе лучше знать!.. трусы свои почему в руках держишь?.. – без злобы, спрашивает жёнушка Ваню, будто бы своего неразумного дитя.

– Наверное, так нужно было и вообще... тогда я совсем ничего не понимаю и не помню, Маша... – может быть, я всё забыл?.. Голова сильно болит... и спать хочется...

– Иди сюда, мой бедненький, я сейчас уложу тебя рядом с собой и укутаю, ты вон, как дрожишь!..

Вот таким чудовищным способом, эта уже немолодая ведьма, изводила молодое мужское сословие коммунальной квартиры, а вместе с ними стра- дали и их молодые жёны. Стариков она, вероятно, по причине уже их не- мощи, игнорировала, которые-то совсем и не верили во все эти сплетни, го- воря, – что это всё чушь.

Но я-то, вселяясь к этой Жанне Леопольдовне, всей этой богом проклятой напасти тогда ещё не знал!.. Прошло дня три или четыре, как я к ней посе- лился. Как-то вечером, уже поздновато было, и я, набегавшись по поликли- нике, я тогда в милицию медкомиссию прохо- дил. Так вот, лежу на своей

арендованной кровати и приснул это я. Слышу прямо через сон, мостится кто- то рядом со мной, чувствую мягкое женское тело и тепло, и такая у меня по телу истома пошла, кто-то ласково гладит всё моё мужское хозяйство, и тут

же прямо наваливается на грудь, дышать стало трудно. Уставший был, как гад!.. То ли снится мне это всё, думаю, то ли и впрямь я в деревню свою прие- хал и на сеновал с соседкой забравшись, любовным делом с ней оттопырива- емся, но хоть убей, а проснуться до конца не могу!.. А, может быть, как я уже после анализировал, она меня чем-то подпоила или под- сыпала что-то мне в продукты. Сам ведь сплю, но чувствую восторг, будто летаю, и покидать не хочется этот сон, и чем-то пахнет, будоража сознание, как в церкви, когда поп своим кади- лом махает, а властный откуда-то голос вещает, – покорись, сын

божий Василий!.. Прямо мистика какая-то. Утром проснулся, голова, как пу- стой бара- бан и гудит где-то в затылке. Выяснить отношения не стал: не ша-

таться же снова по городу в поисках квартиры. А я, готовясь поступать в мили- цию, всё это время УКа зубрил: статью, за статьёй. И чтобы в дальнейшем об- рести покой, говорю это ей, хозяйке, ибо жопой чувствую, что это её работа, а что было или чего не было, о том сам чёрт не разберётся, но утром-то в по-

стели я проснулся без трусов!.. Они на полу рядом с кроватью лежали. А, зна- чит, полу- чается, что меня изнасиловали!.. Какое-то даже презрение и брезг- ливость к себе появилось, отчаяние, звериная по чём-то тоска... Так вот, оделся это я, вышел из-за перегородки, с книж- кой Уголовного Кодекса в ру- ках, открыл на нужной странице, и вместо, – доброе утро, Жанна Леополь- довна, – стал зачитывать ей статью... Как-то же мне надо было от этого са-

дизма избавляться, а то, как после подумал, было бы мне, что тому студенту...

– Ну и как?.. бабку больше не дегустировал оргазмом?.. или она тебя?..

– Нет, больше не повторялось, но с того дня она перестала со мной разгова- ривать. Так: то да сё, в двух словах. А после я ушёл на другую квартиру.

– А к чему ты, Вася, всё это нам рассказал?.. – с ехидной ноткой в голосе, спросил лейтенант, – ситуация у нас очень далека от той развратной темы, где попахивает, и правда, серьёзной статьёй УКа. Или ты по-другому мыслишь?.. Или задумал чего?

– Скукота смертная, вот и хотел развеселить вас, а вы не смеётесь...

– Чужая душа, Вася, потёмки, с неё грех смеяться, а то насмешить можно так, что потом те трусы, что с тебя сонного стянули, придётся застирывать...

Немного помолчав, лейтенант, подводя итог необычному рассказу, продол- жил:

– Всё равно план не выполнить... поехали на авторынок. По «Фортуне» прош- вырнёмся, какой-нибудь забулдыга на пути повстречается, воткнём до компа- нии, так гляди, к вечеру и поднаберём штат, а заодно и машины поглядим... Говорят, там уже и иномарки старенькие стали понемногу появляться...

– А тех двоих пассажиров за собой тягать?..

– Пусть сидят, там теплее, чем на улице.

Вскоре выехали на улицу Малиновского и прибавив газу, покатали в север- ном направ- лении, куда и собрались. А тем временем, почти у самого берега Дона, в сотне метров от желез- нодорожного полотна, идущего через станцию Гниловская в сторону Таганрога, в небольшом,

старом и дано заброшенном карьере, где когда-то добывали ракушечник и глину с крошкой, в зарослях

прошлогодного сухого бурьяна и кустарника, возле костра, кружком сидело четверо тех самых «граков», ещё трое в это время находились где-то на про-

мысле: по добыванию средств к существованию. Над костром висело ведро, в котором варилась картошка в мундирах, местами ножом обрезанная. В эту

пору, когда овощные базы перебирают картофель, который гниёт не по дням, а по часам, этого продукта на свалках лежали горы. На краю костра в ка-

стрюльке варился чифирь, над которым, приплюмывая, в преддверии кайфового пошла, суетился и колдовал Худудут. Напротив, помешивая в ведре длинной палочкой картофель, сидел в глубокой задумчивости Иван Ильич Побрякушкин. Вот уже не в первый раз он почему-то думает всё о той женщине, у которой умер муж. Он тогда подошёл к ней на Старом базаре, по причине, что она вызывала в его душе симпатию, и пока он брал у неё консультацию, куда ему оптом сдать свои вещи, и именно в те короткие минуты, в душу к нему закралась жгучая тоска по женщине, но та суровость и нежелание ве-

сти с ним дальнейший разговор со стороны незнакомки, оборвала в душе ту ниточку, зарождающегося было желания познакомиться поближе с ней. Теперь он горько сожалел о том, что глупо повёлся из-за своей кротости и боязни быть отвергнутым в грубой форме. Надо было попытаться настоять на

своём, подумал он, ведь ему ещё на съёмной квартире старуха советовала пристать в примаки к какой-нибудь вдове. Случай было выпал, сам ему навстречу шёл, а он им не смог воспользоваться...

Неожиданно его вдумчивые и грустные размышления были прерваны возгласом Муси-Селёдки, который бежал, спотыкаясь, под уклон по тропинке и кричал на ходу:

– Братва, падлой буду, век воли не видать!.. Свободой клянусь!.. Мусора на хвост нам упали!.. Легавые кругом!.. Обложили, суки!..

Не добежав до костра пяти шагов, остановился, бросил себе под ноги авоську с пустыми бутылками, развёл в стороны руки, чуть присел в коленях, и стал, чуть не плача, рассказывать:

– Нету теперь с нами Куска-Жеки и Тоси-Костыля, нету!.. Менты повязали!..

– А ты?.. не уж-то ума хватило сбежать? – спросил Иван Ильич, насмешливо глядя на Селёдку.

– Зуб даю, я не волынил, я во дворе заначку бутылок забирал, с прошлого раза заныканную...

– Оно и видно, уже скоро зубов не останется, чтобы раздавать их! Как хоть дело было?.. Утри слюни и юшку не пускай, а говори внятно! – сказал строгим тоном Иван Ильич.

– Чево внятно?!.. – чево непонятно?!.. Я и говорю, бутылки забирал!..

– Ты, сучара, не дешеви, – подбегая к Селёдке и хватая того за грудки, прокричал Худудут, – деляга нашёлся!.. бутылки он забирал!.. Фраер не вор, а ты под него канать хочешь, может, ты их сдал!..

– Чё ты гонишь, Худудут?!.. Пусти!.. чё привязался?!.. Как бы я их сдал?!.. Я чё, сучара, какой?!.. Я токо во двор забежал, где заначка была, заодно, ре-

шил, и отлить. Токо это сложил в авоську бутылки, я бы их и тогда забрал, когда на кучу наткнулся, да авоськи с собой не-было. Высовываюсь из подворотни, а там уже «луноход» стоит и наших грузят. Жека-Кусок вначале вырвался, он же в розыске, но один здоровый – такой, подножку, догнав, под-

ставил, а затем навалились все хором... Дальше не знаю, я во дворы лома- нулся. Упёрся в какой-то тупик, потом по крышам сараев уходил...

– Значит, замели Жеку и Тосю... – теперь, товарищи бичи, очередь за нами, – сказал негромко и задумчиво Иван Ильич, – вы разве не заметили в последние два месяца, что наша бездомная братва редко стала на пути встречаться?.. пересажали, считай, уже всех!.. потому и очередь за нами!..

– Ге-ге-ндош, т-ы-ы... п-п-рав, – заикаясь сказал Худудут.

– Чего заикаться стал?.. в штаны наложил? – спросил Иван Ильич, насмешливо глядя на Петю-паровоза: эта кличка была его от первой ходки, когда он пошёл за паровоза, ограбив с товарищами по промыслу квартиру, где парализованная бабка лежала, ибо разбойная групповая статья – грозила бы им до вышка. Худудудом он стал уже на городском кладбище, с лёгкой подачи Харитона.

– Ты, Ге-ге-ндош, не сидел, потому тебе нас-с-срать!.. не знаешь ты, что такое бур и карцер, где лёд на полу, а на него надо ложиться спать, а ещё пьяный опер-контролёр или надзиратель ногами может отходить!.. за хавку, можно вообще заглухнуть... Раззявишь хлебало: или вертухай-охра пришлёт, или свои, по указке, на пику посадят...

– Да наши сегодняшние условия, с моей точки зрения, ничем не лучше, а может быть, в чём-то и похуже будут, – спокойно сказал Побрякушкин.

– Дешёвка, Гендош, твой базар!.. Правильным коммунизмом пованивает... Ты же вон какой среди нас образованный, только не въеду, тем более не по понятиям, какого хрена ты среди нас затесался?!.. Жену свою грохнул и в

печке стопил, или в бочке засолил?!..

– Урки!.. кончай базарить!.. – крикнул со злобным оскалом нижней части лица Геннадий Куцанков-Побрякушкин, чего даже сам от себя не ожидал и удивился: когда же это он по-фене ботать научился. Но, в ту же минуту пода-

вив в себе свою внутреннюю несогласованность души, мыслей и самой речи, продолжил в том же духе:

– Ещё несколько дней, урки, максимум неделя, и нас всех переловят, как щенят. Или вы намерены в норе отсидеться голодом годика два, в спячке,

пока эта компания сойдёт на нет?.. Мне почему-то кажется, что где-то потребовалось большое количество дармовой рабочей силы...

– И чё?.. начинать рамсы путать и на дно голодным ложиться, шобы совсем помирать?!.. – спросил Шнырь, недавно прибившийся в их компанию.

– Из города надо срочно уезжать, куда-нибудь в глухомань сельской местности, – сказал Иван Ильич, и в ту же минуту для себя принял решение: что кому, кому, а ему, как никому другому, необходимо исчезнуть из этого рода поскорее, где с каждым днём облавы и положение для таких как он только усугубляется, а это лишний риск.

– Да-а-а, как раз в деревне нас и ждут... – сказал, в задумчивости, растягивая слова Худудут, сидя на корточках у костра, а на колени положил локти рук, в ладонях зажата кружка с чифирем, и пьёт в-прихлёбку. Звучно так пьёт – со

смаком, Ивану Ильичу противно было на это смотреть и слушать, отсырбнув,

Худудут, растягивая слова, стал говорить дальше:

– Там нас встретят – один с дышлом, уже поджидает за углом, второй через дорогу, с удавкой на шею, а третий... третий... – Гендош, подсажи, кто третий был?..

– Где был?

– Ну там, в том кино...

– В каком кино?.. про Чапаева, что ли?.. Так там, в анекдотах, третьей Анка была...

– Да не про Чапаева!.. – там было совсем про другое, про деревенских мужиков, когда трое деревенских, фраеров, барчука за чувиху, с которой он сеанс позорный мусолил, за чё обычно на зоне петушат. Ну обгулял это от её, а его

– этого приглаженного и пушистенького, вначале колом по башке приголу-

били, а потом на шею удавку накинута, чтобы понадежней было, почти как у нас на зоне!.. – а после в болоте его утопили, подумали, что так ещё надежней будет и уж он точно не оживёт...

Дальнейшие рассуждения Худудуда Иван Ильич уже не слушал, предавшись своим планам на завтра, а на следующий день, прямо с утра, он вплотную занялся своим внешним видом. Часа два ушло на бритьё, ибо обычным бритвенным станком было сложно проделать ту сложную операцию бритья, которую он задумал, да ещё глядя в крошечное круглое зеркальце:

оставив бородку, а на скулах узкая полоса бакенбардов соединялась с усами и бородой. После этого согрел на костре в ведре воду и на холоде долго мыл голову. Подшаманил и привёл в относительный порядок верхнюю одежду, и уже во второй половине дня сходил в город и купил самую дешёвую спортивную сумку. Перебрал вещи, какие были в своём замызганном сидоре-рюк-

заке, с которым ещё из-дому отправлялся, и в ночь, когда спускались сумерки на город, без лишних комментариев, стал подходить к каждому члену общества – под незримой вывеской – «Пойди туда, не знаю куда» и пожимать им

руки. При этом, Иван Ильич, каждому сердечно повторял, как добрым друзьям или родственникам, прощальные слова:

– Не поминайте лихом, граждане бомжи и бродяги, крайне сожалею, но мне придётся вас покинуть, искренне признателен вам за совместное проживание, прощайте... У каждого дорога своя...

Все, молча, поднимаясь на ноги, пожимали Гендоше руку и казалось в рот набрали воды, и только Селёдка, по своему скудоумию, расплывшись в улыбке и тем самым напоминая личность сбежавшего клиента из псих-дис-

пансера, скорчив гримасу на роже, проквашал, шепелявя сквозь дырки в зубах:

– Я чё, Гендош, хотел сказать тебе ещё вчера, когда ты запел песню про ту деревню... я когда парился на зоне, через колючку смотрел на деревню, как они там живут... Представь себе, не кайфово, невезуха ещё та...

– Заткнись, сучёнок припадочный!.. – крикнул Худудут, держа перед собой сжатый кулак, и уже обращаясь к Ивану Ильичу, сказал с уважением, чего ра-

нее за ним не замечалось, – вы, Геннадий Антонович, не обращайте внимания на этого недоделанного клоуна. Всю масть прощания с хорошим человеком испортил, падла!..

– Да успокойся, не бранись ты, Петро, к чему ненужные расстройства!.. Вот Самуил Маршак, на этот счёт говорил так:

Как призрачно моё существование! А дальше что? А дальше – ничего... Забудет тело имя и прозвание,

Не существо, а только вещество...

Это сказано почти про меня, и всё в моей жизни именно так!.. Будьте здоровы, не болейте и друг друга жалеете, а мне пора в путь...

Взбираясь по тропинке на кручу, Иван Ильич несколько раз оглянулся: все четверо так и продолжали стоять, глядя в его сторону. Уже взобравшись на самый верх, ещё раз замер и какое-то время смотрел в их сторону, затем помахал им рукой, зная, что он уже вряд ли когда их встретит в этой жизни, после чего направился вдоль по улице застроенной частными домами...

На Пригородный вокзал он прибыл, когда уже стемнело. Подошёл вначале к карте маршрутов, которая висела высоко на стене. Бегло, просмотрел маршруты пригородного сообще-

ния, заостря своё внимание на южном направлении, и установил, что самый дальний маршрут электропоезда в этом направлении – это до Тихорецка. Купил билет до конечной, и спустя минут

через двадцать он уже ехал в электричке на юг, в город Тихорецк. Он понятия не имел – где это находится, но план дальнейших своих действий уже был разработан в голове. Добраться в предгорья, а то и дальше – на Большой Кавказ, наняться в чабаны, и мирно, среди первозданной природы, вдали от

людской суеты и всяких облав и измен, пожить какое-то время ради души...

Стояло начало марта 1983-го года, ровно тридцать лет – день в день – со дня смерти Сталина – и месяца, который на юге страны считается самым парши-

вым временем в году, – имея ввиду погоду. За окном электрички моросил дождь, с силой стуча по стёклам на ходу электрички, словно веником размазывая слизь; в вагоне было прохладно, народу – почти ничего, а те, что были, съёжившись и прилипнув к стенкам, дремали. Было скучно, тоска и впереди неизвестность. Порой возвращался мыслями к своим случайным друзьям по бродяжной жизни, с которыми прожил почти три месяца, и это время показало ему тремя годами, мысль улетала дальше – в воспоминания, туда – в

подмосковье, в городок ткачих, где, как думалось многим: расположен там рай для мужчин и полно в избытке женщин красивых и сговорчивых. О

жене Фаине старался не думать, но дочь, Катеньку, до слёз было жаль; о тёще, Инессе Остаповне, вспоминая, думал со злобой и неприязнью, ставя её в один ряд с той старухой, где жил он на квартире, и как-то однажды, подумав о ней совсем нелицеприятно, – что, живя в соседстве рядом с зоопарком, она не только напиталась энергией от всех тех злощих зверей, но и приобрела их характеры, особенно тех – злых, сидящих всю свою жизнь в железных клетках. И было бы неплохо – подумал он – посадить старуху вместе с его тёщей Инессой Остаповной, в ту самую клетку, а зверей выпустить на волю... И самое удивительное – это то, что он совсем не вспоминал и не думал о самой фабрике, будто бы в его жизни её и не существовало. А само – то скандальное собрание – с которого всё и началось, и последовавший за этим тот страшный пожар, казалось, что всё это он видел в кино, или во сне, или слышал рассказ об этом. В голову приходила мысль, после чего он спрашивал себя, – не раздвоение ли у него личности?.. Ведь всякое бывает – мыслил он, – как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.